

РВДКУ

110
ПОСЛЕДНИЙ ВЫПУСК
ИМПЕРИИ

Эдуард Инер

18+

Эдуард Инер

РВДКУ. Последний выпуск империи

<https://litres.ru/74168489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга посвящена выпускникам Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища 1991 года – последнему выпуску времен СССР. В произведении собраны подробные воспоминания курсанта о непростых днях учебы в легендарном вузе: о преодолении лишений и трудностей на тернистом пути к заветным погонам офицера воздушно-десантных войск, о зарождении крепкой курсантской дружбы, не раз испытанной на прочность расстояниями, десятилетиями и жизненными невзгодами.

Автор постарался затронуть все аспекты жизни в прославленном училище: прыжки с парашютом, полевые выходы, учения, стажировки, несение службы в нарядах, взаимоотношения курсантов и командиров – и многое другое. Повествование не ограничивается описанием суровых будней курсантов-десантников: оно пронизано самоиронией, армейским юмором и оригинальным взглядом на происходящие события,

что делает книгу доступной широкой аудитории, в том числе не имеющей отношения к воинской службе.

Содержание

Глава 1. Предисловие	6
Глава 2. Путь к небу	12
Глава 3. Абитура	26
Глава 4. Первый курс: КМБ, присяга, первые трудности	37
Глава 5. Полевые выходы	60
Глава 6. Прыжки	103
Глава 7. Учебный процесс	132
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Эдуард Инер РВДКУ. Последний выпуск империи

*Посвящается 110-му выпуску Рязанского высшего
воздушно-десантного командного дважды Краснозна-
менного училища имени Ленинского комсомола*

*Адресовано молодым ребятам (всех поколений), очаро-
ванных романтикой службы в воздушно-десантных вой-
сках*

Глава 1. Предисловие

Одним из стимулов написания этого, с позволения сказать, произведения стало прочтение мной книги, которую порекомендовали однокашники. Она называется «9-я рота. Факультет специальной разведки Рязанского училища ВДВ». Автор – Андрей Бронников – выпускник 1980 года факультета специальной разведки Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола (РВВДКДКУ им. ЛК). Именно так оно тогда называлось или, если совсем коротко, – РВДКУ. Есть еще одна малоизвестная в широких кругах аббревиатура – РКПУ. Дело в том, что изначально, в далеком 1918 году, в городе Рязани были сформированы курсы пехотного училища (сокращенно – РКПУ), в дальнейшем преобразованные в военный вуз для подготовки офицеров воздушно-десантных войск. В среде курсантов и офицеров-десантников в обиходе бытует преимущественно такое название училища, поэтому порой я буду использовать именно эту аббревиатуру.

Во время прочтения книги Бронникова я погрузился в воспоминания о своей юности, долгих и одновременно очень коротких четырех годах учебы в этом прославленном, а точнее сказать, легендарном училище. Волею судьбы случилось

так, что жизнь моя тонкой нитью вплелась в полотно его более чем вековой истории.

Учился я на инженерном факультете в 1987–1991 годах – стодесятый выпуск, восьмая рота третьего батальона. В те времена в структуру училища входило всего два факультета. Один из них готовил офицеров для армейского спецназа, другой – для подразделений ВДВ и ДШБ. На нашем факультете тогда было четыре батальона: по три роты в каждом, с первой по двенадцатую. Пятый батальон (тринадцатая и четырнадцатая роты), соответственно, – спецназ. Они нас называли «траками», по-видимому, из-за того, что мы изучали гусеничную технику (боевые машины десантные – БМД-1 и 2), а мы их – «спецами». Конечно, между нами происходили определенные трения, но, как правило, они не заходили за границы дозволенного. Был еще спецфак. На нем учились курсанты из дружественных, преимущественно развивающихся стран: Монголии, Кубы, Афганистана и ряда африканских государств. Ему я тоже надеюсь уделить в своем повествовании определенное внимание.

В общем, читая вышеупомянутую книгу выпускника факультета спецназа, я для себя отметил, что изложенное в ней процентов на пятьдесят соответствует тому, что пережили я и мои товарищи за годы учебы, возможно, с небольшой поправкой. Все остальное было в значительной степени или совсем другим. Основных причин для расхождений, на мой взгляд, две. Первая – мы учились в несколько иные годы (на

одиннадцать лет позже) и, к тому же, на разных факультетах, то есть по разным программам обучения. Вторая причина – у нас был уже другой начальник училища, а также командирский и преподавательский состав, что, собственно, вытекает из первой причины.

Мне показалось, что я смогу дополнить недостающую часть картины курсантской жизни нашего училища в те давние времена, и я самонадеянно решил взяться за перо. Честно говоря, мысль об этом посещала меня еще во время учебы – настолько я был поражен развернувшимися вокруг меня событиями. Нет, тогда я не представлял себя автором произведения; просто думал, что происходящее со мной и моими товарищами так интересно и до того неординарно, что может быть удостоено еще чьего-то внимания. Очень жаль, что мне, насколько я знаю, и моим сокурсникам не удалось вести в то время дневники. Трудно даже представить, как такую идею можно было реализовать на первом курсе, когда несколько минут свободного времени являлись роскошью. Будь иначе, моя миссия оказалась бы значительно легче.

Конечно, по прошествии стольких лет многое вспомнить будет затруднительно. Однако рассчитываю, что мои сокурсники станут для меня отчасти соавторами, возможно – цензорами, критиками и, надеюсь, в итоге отнесутся к моим непрофессиональным потугам не слишком строго. Первое прочтение, отзывы и пожелания – несомненно, за ними. Дру-

зья, сразу прошу прощения за возможное некорректное отражение событий (свойство памяти, времени прошло немало), а также если я каким-то образом задену ваше самолюбие или человеческое достоинство. Чтобы хоть как-то себя реабилитировать, постараюсь на этих страницах и к себе отнестись самокритично и с определенной иронией.

Полагаю, что изложенные воспоминания и мысли будут интересны не только моим сокурсникам, но и выпускникам других лет инженерного факультета. Если же мой литературный труд прочтет еще кто-либо, не связанный так или иначе с нашим училищем или службой в ВДВ, думаю, он также найдет в нем нечто интересное и, возможно, поучительное. Однако хочу предупредить данную категорию читателей: некоторые ситуации, описанные на этих страницах и, на мой взгляд, являющиеся вполне комичными, не всем покажутся забавными. Друзья, не спешите меня укорять. Для того чтобы проникнуться столь специфическим юмором, нужно было находиться в той ситуации, в контексте тех событий и тех лет. Поверьте, смешного случалось предостаточно. Я не очень смешливый человек, но, когда мы собираемся с сокурсниками и вспоминаем былое, нередко хохочу до колик в животе. И это не фигура речи. Откровенно говоря, отразить на бумаге наиболее характерные моменты курсантской действительности, мало схожей с обывательской, порой просто невозможно. Наверное, сам Антон Павлович Чехов испытал бы трудности в детализации образов отдель-

ных персонажей, попавших в нестандартные, иногда близкие к экстремальным, условия, когда человек раскрывается с совершенно неожиданной, даже для самого себя, стороны. Да и Феллини вряд ли бы справился с задачей снять достоверную киноленту о буднях курсантов-десантников. Тем не менее, фильм о нашем стодесятом выпуске, вернее – сериал, уже снят. Он называется «Десантура. Никто, кроме нас». Однако эпизодам жизни курсантов посвящена в нем лишь первая серия, и та показалась мне местами не очень близкой к реальности.

Я, конечно, также не беру на себя смелость назвать свои воспоминания истиной в последней инстанции. Смотрел я на происходящее со своей невысокой курсантской колокольни: о чем-то слышал, что-то понял, о чем-то догадывался. Одно могу сказать: постараюсь на страницах этой книги быть честным по отношению к себе и к своим читателям. Надеюсь, что тот, кто был свидетелем или участником описываемых мною событий, прочитав о них, дорисует в своих воспоминаниях все, что упустил автор, и обязательно улыбнется.

Теперь, когда я оправдался на случай возможного литературного фиаско, немного остановлюсь на структуре моего повествования. Оно не будет в полной мере следовать хронологическому порядку, так как более-менее последовательно вспоминается лишь то, что происходило на первом и последнем курсах. Эти периоды я и опишу в привязке ко времени. Второй и третий курсы, за исключением каких-то знаковых

событий, мне тяжело разделить. Поэтому оставшуюся часть обучения я разбил на главы по тематике, а не по хронологии. Подобный подход позволит читателю легко ориентироваться в изложенном материале и, при необходимости, без особых усилий вернуться к тому, что было прочитано ранее.

Глава 2. Путь к небу

С чего же все началось? Что подтолкнуло меня и таких же парней, как я, выбрать для себя этот путь? Несомненно, большинство из нас смотрели теперь уже ставшие классикой советского кинематографа фильмы «В зоне особого внимания» и «Ответный ход». Именно эти картины определили будущее многих молодых ребят, сформировали в них желание связать свою жизнь с воздушно-десантными войсками. У меня это желание возникло под воздействием иных обстоятельств, о которых мне хотелось бы рассказать читателю.

Я намеренно назвал эту главу «Путь к небу», а не «в небо», так как до неба было еще очень далеко. Заранее прошу прощения, если эта часть моего повествования покажется немного затянутой или вовсе ненужной, так как она не относится ко времени, проведенному в училище. Однако я считаю, что эта глава очень важна для понимания тех событий, которые произошли со мной несколько позже.

В моем случае все началось с того, что на гражданке я познакомился с одним примечательным человеком. Звали его Саня Л., он был лет на пять старше меня и уже отслужил срочную службу в 35-й отдельной десантно-штурмовой бригаде в городе Котбус (ГДР). Мне тогда было всего шестнадцать лет, и, конечно, его рассказы о службе, фотографии

[illegible][illegible]

Вырезка из статьи «Кому идти в десант», опубликованной в журнале «Советский воин»; специальные корреспонденты – майор Н. Иванов, И. Курашов (фото), присланная мне моим товарищем Александром Л. перед поступлением в ВВДКУ. Взято из личного архива автора

Но, как потом выяснилось, все было не так просто. Мой путь в ВДВ оказался достаточно тернистым. После окончания школы по ряду причин я не поступил в гражданский вуз, хоть и закончил учебу лишь с одной четверкой в аттестате – остальные пятерки. Пришлось устроиться на работу и ожидать повестку в армию. Следующим летом меня вызвали в райвоенкомат и с отрывом от работы на месяц направили в краевой центр ДОСААФ на курсы связистов. Это непредвиденное событие не вызвало во мне особой радости, так как, на мой взгляд, мешало моим планам попасть в ВДВ. Естественно, я выразил свою озабоченность в военкомате. Там меня от навязчивой идеи сначала попытались отговорить, аргументируя тем, что дорога в ВДВ почти неминуемо приводит в Афганистан, война в котором была в то время в самом разгаре. Далее мне совсем не в радужном свете коротко обрисовали перспективы службы в этой далекой каменистой стране, лишь недавно сделавшей свой первый шаг из дремучего средневековья. Однако подобные нотации никоим образом не могли повлиять на мою решимость добиться исполнения своей мечты. Неотъемлемое свойство молодости – видеть свое будущее исключительно в розовых тонах.

Убедившись в моей непоколебимости, военком, не скрывая своей досады от неудавшейся психологической коррекции, несколько нервно, но в то же время твердо сказал: «Иди учись, в ВДВ связисты тоже нужны». Позднее, уже обучаясь

в ДОСААФ, я узнал от нашего преподавателя, что гарантией попадания в ВДВ являются два-три прыжка с парашютом. Организуют прыжки здесь же – в ДОСААФ; следующий набор в начале осени. В назначенное время я сел в автобус (жил я в ста двадцати километрах от краевой столицы) и направился в ДОСААФ, обучение в котором закончил месяц назад. По прибытии узнал, что программа прыжков изменилась: осенние прыжки уже закончились, а следующие будут только зимой. Для меня это был удар, так как призывали меня осенью этого же года.

Как и следовало ожидать, направили меня не в ВДВ, а в другой род войск – в учебку военно-воздушных сил, город Чита, Забайкальский военный округ (ЗабВО). По пути следования к месту службы на вокзале я заметил солдат в зимней форме одежды с голубыми погонами и десантными шевронами. От них я узнал, что в ЗабВО в городе Могоча дислоцируется десантно-штурмовая бригада (ДШБр). Эта информация дала мне хоть какую-то надежду.

Прибыв в учебку, немного осмотревшись и оклемавшись от навалившихся на меня «лишений и трудностей воинской службы», я попер (по-другому здесь не скажешь) в штаб полка и напрямую, нарушая субординацию, о которой я тогда имел слабое представление, обратился к начальнику штаба. В общем, уже на этом этапе пришлось предпринять те действия, которые в Уставе ВДВ характеризуются фразой «решиительно и дерзко». Я требовал перевода своей персоны в

Могочу – в ДШБр. Начальник штаба, очевидно, понял, что случай здесь клинический, спокойно и размеренно, как врач пациенту, стал мне объяснять: «У нас разные рода войск. Вопросы о таких переводах решаются исключительно на уровне Министерства обороны – в Москве». Подобных прецедентов за свою продолжительную военную карьеру он, конечно, не припомнит. А потом, видимо, чтобы я наверняка отстал, предложил такой вариант: написать рапорт и изъявить в нем желание будущим летом поступать в Рязанское воздушно-десантное училище, о котором, стыдно сказать, к тому времени я почти ничего не знал. Кто бы сомневался, соответствующий рапорт был тут же написан.

С этого момента я стал «десантником» – десантником именно в кавычках. В общем, если нужно было куда-то сбегать, выполнить какое-то срочное или изощренное поручение, наши младшие командиры с ухмылкой и фразой: «Инер пойдет, он у нас десантник!», отправляли меня. Скорее всего, меня считали чудаковатым и, естественно, мое устремление не воспринимали всерьез. По этой же причине никто не верил в успех задуманного мной предприятия. На язвительные насмешки я старался не реагировать. Благо, мучиться пришлось недолго.

Весной меня направили в гарнизонный госпиталь для прохождения медицинской комиссии и получения справки для поступления в военный вуз. Больше всего боялся не пройти испытание вестибулярного аппарата, заключавшее-

ся в раскручивании то в одну, то в противоположную сторону на специальном кресле. К удивлению, выдержал. Но тут беда пришла откуда не ждали. Рентгеновский снимок показал, что у меня киста в правой нижней пазухе носа. По-видимому, причиной этому был суровый климат Забайкалья, где морозы доходили без малого до минус пятидесяти градусов. Очевидно, с таким диагнозом нечего было и думать о прыжках с парашютом. И я не придумал ничего умнее, как вырвать лист с описанием сего недуга, а заодно и с заключениями остальных врачей, которые оказались на этом листе. Начал проходить все заново. Голова получила очередную порцию рентгеновского излучения. Чуда не случилось, диагноз подтвердился, и я был направлен в окружной госпиталь на операцию по удалению кисты.

Кстати, мой будущий товарищ и сокурсник, с которым я сохранил крепкие дружеские отношения по сей день, рассказывал, что тоже в свое время вырвал из медицинской книжки заключение врача о выявленных на одном из обследований незначительных отклонениях в сердце ради поступления в училище. Он с успехом окончил обучение, отслужил в ВДВ, спецподразделении ФСБ, был неоднократно ранен и дослужился до пенсии. Конечно, я не призываю к подобным действиям будущих абитуриентов, так как все это может быть чревато не только потерей здоровья, но и жизни. В дальнейшем, по ходу пьесы, я приведу соответствующие примеры.

С вашего позволения, сделаю очередное небольшое от-

клонение от нити повествования. Уж очень хочется привести еще один пример того, на что готовы пойти молодые люди, лишь бы исполнилась их заветная мечта. После того как выяснилось, что отдельные кандидаты не умеют плавать, для поступления в училище установили дополнительное условие – способность хоть как-то держаться на воде. Для подтверждения этого умения достаточно было с любой скоростью, произвольным стилем проплыть небольшую дистанцию – метров двадцать пять. Рассказывали, что при проверке этого навыка один из абитуриентов прыгнул в воду и сразу же начал тонуть. Когда его вытащили и спросили, в чем причина, он ответил, что не умеет плавать, но убедил себя в том, что каким-то чудом сможет плыть. Это ж как надо верить в чудо, чтобы пойти на такой небезопасный поступок?!

Но вернемся к предыдущему эпизоду. Операция прошла успешно, все нужные медицинские заключения я получил. Спустя несколько месяцев после завершения лечения и укомплектования необходимого пакета документов меня направили на окружные сборы для подготовки и сдачи экзаменов. Сборы проходили на территории танкового училища в городе Чите. В зависимости от выбранной стези нас распределили по взводам. В нашем взводе числилось около тридцати человек. Почти все намеривались поступить в десантное училище, и лишь несколько претендентов – в военно-морские. Для подготовки к экзаменам привлекли преподавателей, в том числе и из гражданских вузов города. До обеда

мы почти в буквальном смысле грызли гранит науки. Он давался нелегко, так как школьные парты мы освободили год-два, а то и более лет назад. Спасибо привлеченному на сборы преподавателю математики, который за короткий срок вернул в мою голову все, что проходили по школьной программе, и добавил еще чуть-чуть из вузовской. В школе у меня была пятерка по математике, а классным руководителем – математичка. Приходилось посещать и факультатив. Благодаря всему этому в комплексе, на экзамене я сдал математику на отлично. Для поступающих из войск такой результат считался большой редкостью.

Дальше дело пошло веселее. Многие, наверное, замечали, что на экзаменах при выставлении оценок преподаватели, если у них есть какие-то сомнения, зачастую ориентируются на отметки по предыдущим дисциплинам. Так было и в моем случае. Физику с небольшой помаркой я также сдал на отлично. Следующими шли сочинение и история. Как проходила сдача этих предметов, я не особенно помню, но в итоге из четырех дисциплин у меня была лишь одна четверка, остальные – пятерки. В последующем это позволило мне преодолеть еще одну преграду при поступлении в училище. Но об этом чуть позже.

Помимо экзаменов, кандидатам пришлось также пройти профессиональный и психологический отбор. Профотбор включал в себя различные упражнения на координацию движений и реакцию. Психотбор – это целый комплекс тестов

на внимание, память, догадливость – что-то вроде современных тестов на IQ. Все задания ограничены по времени. Не успел сделать одно – сбился, разнервничался и провалил все. Многие парни, успешно сдавшие учебные дисциплины, срезались именно на этих тестах. К моей радости, я прошел их без особых затруднений.

Еще одно испытание, которое нас всех ожидало, – это экзамен по физической подготовке. Физически развит я был вполне хорошо: в школе исполнял обязанности физорга класса, сдал нормативы ГТО на золотой значок, занимался борьбой. Особенно хорошо у меня получались силовые упражнения на перекладине и бег на короткие дистанции. А вот дистанции подлиннее, то есть кроссы, мне всегда давались хуже. Ситуация осложнялась тем, что в войсковой части, где я служил, зарядки не было – от слова «совсем». Возможно, в силу суровых климатических условий вместо нее нас привлекали к уборке территории. Хотя в той же Могочинской бригаде утренний час физических занятий проводился как положено – в полном объеме. Несколько раз весной, еще в полку, мне удалось побегать с моим товарищем, который собирался поступать в летное училище. Но этого было крайне мало. На сборах проводилась зарядка, и во время кросса я всеми силами пытался держаться рядом со своими товарищами, служившими в ДШБ и спецназе. Удавалось это с трудом. Каково было мое удивление, когда на экзамене я их почти всех обогнал и получил оценку «отлично»! Вот

что значит устремленность! Но, как оказалось потом, радоваться было рано.

Нужно было опять проходить медкомиссию. На этот раз больше всего боялся срезаться из-за операции, перенесенной сравнительно недавно. Но тут вновь выручила солдатская смекалка. Порасспрашивал сестричек в медпункте: как проходит медосмотр? Какие врачи? Как относятся к подобным хирургическим вмешательствам? Выяснил, что ЛОР в комиссии – как раз тот врач, который делал мне операцию. Пока он не прибыл на осмотр, удалось выпытать у его помощницы, с какой стороны к нему лучше подойти. Она, почти не раздумывая, дала дельный совет. Стратегия была выбрана правильно. При осмотре, уловив момент и следуя наущению помощницы, я сразу же заявил доктору, что операция была произведена непосредственно им, что прошла она успешно и чувствую я себя превосходно. Маленькая лесть, затрагивающая профессионализм, здесь была очень кстати. Врач задал мне всего лишь один вопрос: «Есть ли амнезия?». Я, сморщив лоб и выражая тем самым свою полную некомпетентность, спросил: «А что это такое?». Получив разъяснения, немного лукавя, сказал: «Нет». После этого отметка «годен» засияла в моей медкнижке. Вернее, засиял от радости я – все мои мытарства наконец-то закончились.

В конечном итоге по результатам экзаменов и иных испытаний отобрали нас со взвода человек восемь. Выдали, кажется, по два сухпайка и вручили проездные документы.

Дружной гурьбой сели мы на поезд и поехали в Рязань. Настроение у всех было приподнятое. Мы же – без пяти минут десантники – только форму осталось получить. Первым делом, как выдадут тельник и берет, в фотоателье пойдем, чтобы родственникам отправить фотку «бравого» дЕсанта. По пути, под размеренный стук колес, от нечего делать делились друг с другом тем, что слышали об училище. Кто-то поведал небылицу: якобы у курсантов каждую субботу марш-бросок из Рязани в учебный центр – сорок километров – туда и обратно. Стало жутковато, так как больше трешки к тому времени я никогда не бегал. Забегая вперед, скажу, что на самом деле все было «немножко» не так. Постепенно охватившие нас радость от достижения цели и эйфория от пусть кратковременной, но свободы, стали потихонечку стихать.

Провизия – сухпай и у кого что было – закончилась к исходу второго дня. Ехать – четыре. Денег ни у кого почти не осталось, так как все, что имелось, потратили во время сборов. В Новосибирске – чуть больше, чем полпути – вышли на короткой остановке на перрон. Бабушки продавали клубнику, а одна – копченую рыбу. Больше ничего съестного не обнаружили. Голод заставил сделать выбор в пользу скумбрии. Отдали вскладчину последние деньги, ели, кажется, без хлеба. Чая, правда, было запасено впрок – целая пачка. Заварили его в выпрошенной у попутчиков трехлитровой банке. В Рязани вышли из вагона – шатает, как при качке на море.

Добрались до училища, отметились на КПП. Долго жда-

ли рядом в небольшом тенистом сквере, пока за нами кого-нибудь пришлют. Солнце не спеша скатилось по веткам деревьев вниз. От предвкушения неизведанного разговоры не клеились – большей частью все задумчиво молчали. Когда за нами наконец пришли, было уже поздно (в смысле времени суток). На территории не заметили ничего необычного: плац, учебные корпуса, казармы. Бросалось в глаза только отсутствие людей.

Ночевать нас отправили в одну из опустевших казарм. Кровати – без постельного белья. Правда, и на них толком поспать не удалось: часа в два меня подняли в наряд по площадке приземления. Вот такая первая ночь в стенах училища. Ну, думаю: «Приплыли. Прощай на четыре года сон, а с ним и моя бесшабашная молодость». Именно в этот момент в душе поселилась тревога, смешанная с чувством сомнения, которая время от времени посещала меня весь первый курс: «Смогу ли я? Хватит ли сил и выдержки?». Появилось такое ощущение, будто меня причислили к какой-то когорте полубогов, а я совершенно к этому не готов – не подхожу по морально-деловым качествам.

Вообще, на первом курсе казалось немыслимым преодолеть все вызовы, совершенно разного плана, которые нас ждут впереди, – это выше человеческих сил! На втором – ну, раз командир сказал: «Сделаем», значит, сделаем, только вот как? На третьем – если бы нам сказали, что мы полетим на Луну, никто бы сильно не удивился. Принцип «есть де-

сантные войска, и нет задач невыполнимых» к этому времени уже стал неотъемлемой частью нашей жизни. Но это все впереди. А сейчас я ранним утром еду в свой первый наряд на площадку приземления.

Как доехали – не помню, видимо, по дороге дремал. Вспоминаю только, что на вопрос: «В чем заключаются мои обязанности?» – старший наряда ответил: «Считать трупы». Юмора в его словах и интонации тогда я как-то не заметил (а он, по идее, присутствовал). Прыжки осуществлялись с Ан-2, в народе – «кукурузник». Я, по заданию прапорщика, внимательно вглядывался в небо и следил за отделившимися от каждого самолета парашютистами. Их количество должно было строго соответствовать числу раскрывшихся куполов. Если что-то шло не по плану, я обязан был сообщить об этом старшему. Слава Богу, все шло по плану. Откуда мне тогда было знать, насколько часто при выполнении прыжков происходят трагедии. Позднее я понял, что, скорее всего, в наряд на площадку приземления меня взяли с одной целью – разгрузить-погрузить нехитрый скарб наряда, а все остальное – лишь для того, чтобы я был чем-то занят.

На следующий день всех нас, поступивших из ЗабВО, отправили в учебный центр Сельцы, или, на курсантском языке, – лес. Добирались в центр как могли – прямого транспорта туда нет. До Кузьминского доехали на автобусе. Время уже было позднее, и нам пришлось заночевать в поле – в какой-то копне сена или соломы, не доходя до преградив-

шей наш путь Оки. Утром переправились на пароме через реку и пришли в лагерь учебного центра. Нас распределили по взводам и разместили в палаточном городке. С этого момента мы влились в стан абитуриентов.

Глава 3. Абитура

На самом деле в училище вели три пути. Первый – поступить из войск. Как это происходило, описано в предыдущей главе. Второй – поступить в Суворовское училище. В этом случае необходимо было успешно сдать выпускные экзамены в Суворовском училище и соответствовать всем требованиям: иметь хорошее здоровье, положительные характеристики и т. д. Это являлось основанием для зачисления кандидата в ряды курсантов без экзаменов. И третий – поступить с гражданки и сдавать все экзамены уже в училище, а точнее – в учебном центре. Для этого следовало обратиться в военкомат по месту жительства. Военкомат формировал личное дело кандидата и направлял его в учебное заведение для рассмотрения. Лишь при получении подтверждения кандидат имел право сдавать экзамены, но к сдаче допускался далеко не каждый. Позже (если не забуду) я напишу о том, как происходил отбор кандидатов с гражданки, так как однажды сам принимал в этом участие.

Преимуществами при поступлении, конечно, обладали те, кто уже послужил или был суворовцем, то есть кандидаты, имеющие какое-то представление о военной службе и приученные к жесткой армейской дисциплине.

Разновидностью поступления с гражданки был еще такой

вариант, как получение в национальной республике комсомольской путевки (напомню, училище носило имя Ленинского комсомола). Каким образом это происходило, я не знаю – как-то не интересовался. Пишу об этом только для полноты картины. В нашем батальоне таких было несколько человек: из Армении, еще, кажется, из Азербайджана и, возможно, из других советских республик.

Зачислялись в училище также сверхсрочники и прапорщики. Для них предусмотрели свою систему льгот при поступлении. В составе нашей роты было два прапорщика, оба – из ВДВ. Учились они как обычные курсанты, только имели привилегию свободного выхода в город и назначались не во все наряды, а только помощниками начальника караула, дежурного по училищу и тому подобное.

Еще в нашем славном заведении имело место такое уникальное явление, как «партизаны». Я никогда не слышал о подобном партизанстве в других военных вузах. Суть этого явления заключалась вот в чем: гражданские абитуриенты, которым для зачисления в училище не хватило баллов, после экзаменов самовольно (подчеркиваю) поселялись в лесу близ учебного центра, из-за чего, собственно, их и называли партизанами. Мастерили они себе какие-то землянки, шалаши из того, что попадалось под руку. Самое главное для них было – найти пропитание, так как деньги быстро заканчивались (в учебном центре работали магазин и чайная, где можно было что-то купить). Помогали с продуктами им зем-

ляки, ранее поступившие в училище, или солдаты батальона обеспечения учебного процесса (БОУП) – кто чем мог. Цель у партизан была одна: дожидаться, когда кто-то из уже зачисленных в курсанты сломается, испугается трудностей и напишет рапорт об отчислении. До присяги это еще можно было сделать без проблем. В сущности, партизаны имели довольно высокий шанс занять освободившееся место. Иногда они жили в своих импровизированных жилищах до сентября, когда по ночам уже становилось достаточно холодно. Самые настырные из них получали долгожданную награду. На нашем курсе в каждой роте учились бывшие партизаны. Сколько их было всего, я не припомню, может, с десятков. Они быстро адаптировались в нашем коллективе и уже через короткое время ничем не отличались от других курсантов.

П РА В И Л А П Р И Е М А

на первый курс

Рязанского высшего воздушно-десантного командного
двуклассного Краснознаменного училища
имени Ленинского комсомола

Училище готовит командный состав с высшим военно-специальным образованием.

В училище принимают:

- прапорщики, мичманы по истечении двух лет службы на должностях прапорщиков, мичманов, военнослужащих сверхсрочной службы, военнообязанные из числа уволенных в запас военнослужащих срочной службы, имеющие законченное среднее образование, в возрасте не старше 23 лет;
- военнослужащие срочной службы, независимо от своей военной специальности и срока службы, гражданская молодежь, имеющие законченное среднее образование, выпускники суворовских военных училищ, в возрасте не старше 21 года.

Возраст поступающих на учебу лиц определяется по состоянию на 1 сентября года поступления. Гражданская молодежь и выпускники суворовских военных училищ могут поступать при достижении 17 лет, или которым 17 лет исполняется в году поступления.

Лица, желающие поступить в училище, подают рапорт (заявление):

- военнослужащие срочной и сверхсрочной службы, прапорщики и мичманы — до 1 апреля года поступления по

команде на имя командира воинской части. К рапорту прилагаются: копия документа о среднем образовании, партийная или комсомольская характеристика, три заверенные фотокарточки (без головного убора, размером $4,5 \times 6$ см), автобиография, характеристика (приложение № 6 к Правилам приема), служебная карточка.

- гражданская молодежь — до 15 апреля года поступления подает заявления в районный (городской) военный комиссариат по месту жительства. К заявлению прилагаются: автобиография, характеристика с места работы или учебы (приложение № 7 к Правилам приема), партийная или комсомольская характеристика, копия документа о среднем образовании (учащиеся средних школ представляют справку о текущей успеваемости), три фотокарточки (без головного убора, размером $4,5 \times 6$ см).

Паспорт, военный билет или удостоверение о приписке и подлинный документ о среднем образовании представляются кандидатом в приемную комиссию училища по прибытию.

О времени и месте прибытия кандидатов для прохождения профессионального отбора сообщается:

- военнослужащим до 1 июня года поступления через штабы воинских частей;

- гражданской молодежи до 30 июня года поступления через военкоматы по месту жительства.

Приемная комиссия училища работу проводит с 10 по 30 июля года поступления, при этом проверяется:

- общественно-политическая активность и моральные качества;

- состояние здоровья с учетом психологических качеств;

- уровень их физической подготовленности;

- знания по общеобразовательным предметам: русскому языку и литературе (письменно), математике (письменно), физике, истории СССР.

Без проверки знаний по общеобразовательным предметам при условии соответствия всем другим требованиям при поступлении в училище, зачисляются:

- военнослужащие и военнообязанные, награжденные орденами и медалями СССР, за отличие в боевых действиях при защите СССР и выполнении интернационального долга;

- выпускники суворовских военных училищ.

Лица, награжденные по окончании средней школы золотой, серебряной медалями или окончившие средние специальные учебные заведения с дипломом с отличием и удовлетворяющие

всем другим требованиям к поступающим в училище, сдают определяемый начальником училища один экзамен по профилируемому предмету. При получении оценки 5 (пять) указанные лица освобождаются от дальнейшей сдачи экзаменов, а при получении оценки 4 (четыре) или 3 (три) сдают экзамены и по всем остальным дисциплинам, выносимым на экзамены.

Вне конкурса при получении положительных оценок по общеобразовательным предметам в училище принимаются:

- военнослужащие, проявившие высокие морально-боевые качества при защите СССР и при выполнении интернационального долга;

- военнослужащие, являющиеся отличниками боевой и политической подготовки;

- кандидаты, награжденные по окончании средней школы золотой, серебряной медалями или окончившие средние специальные учебные заведения с дипломом с отличием, получившие оценку 5 (пять) по профилируемому предмету.

Кандидаты обеспечиваются бесплатным проездом, общежитием и питанием. Гражданская молодежь документы на проезд получает в военкоматах по месту жительства, военнослужащие — в штабе части.

Срок обучения в училище — 4 года. Начало занятий с 1 августа. Окончившим училище выдается диплом об окончании обучения о высшем образовании с присвоением квалификации инженера.

После окончания училища выпускники направляются в войска на командные должности.

Приемная комиссия.

Адрес училища: 390031, г. Рязань-31.

Правила приема на первый курс Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола. Типография РВВД-КУ, Рязань, 22.11.90. Взято из личного архива автора

Ну и, чтобы совсем закрыть тему, опишу очередную достаточно нетривиальную возможность влиться в ряды курсантов-десантников. На начальных курсах можно было перейти к нам из другого училища. Один из таких фактов запечатлелся в моей памяти. На факультет спецназа перешел курсант, по-моему, второго курса, учившийся по этому же профилю в Киевском общевойсковом училище. Однозначно, здесь были задействованы какие-то связи, и этот случай является, скорее всего, исключением из правил. Смотрели мы на этого товарища косо. Ходил он первое время в ушитой парадке, в ботинках с обрезанными каблуками и с другими нарушениями формы одежды, которые нам казались невыносимыми. Потом его переодели, и он затерялся в общей массе. Доучился он или нет – мне неизвестно.

Теперь, если вам интересно, что было дальше, давайте вновь вернемся к моей истории. По прибытии в учебный центр мы узнали, что необходимо заново пройти медкомиссию, все тесты и экзамен по физкультуре. При проверке зрения у окулиста обнаружилось, что я не различаю правым глазом некоторые символы – кружочки, разорванные с одной из

сторон, – в той строке таблицы, которая соответствует сто-
процентному зрению. На сборах требовалось распознавать
буквы, и это было для меня проще. Сейчас же пришлось под-
глядывать левым глазом, слегка отодвинув закрывавшую его
заслонку. Благо, врач не заметил. Позже, уже в курсантскую
бытность, кто-то мне посоветовал перед стрельбой коптить
зажженной спичкой автоматную мушку и прицельную план-
ку из-за потертостей, дающих блики, которые мешают при-
целиванию. Это в дальнейшем компенсировало мое неболь-
шое отклонение зрения. С вооружением, имевшим оптиче-
ские прицелы, проблем у меня не было, так как оптику мож-
но отрегулировать и подстроить под себя.

Зато с прохождением тестов не случилось никаких нежиданностей, так как сдавал я их уже повторно и знал, что к чему. А вот с моим «любимым» кроссом произошел конфуз – два балла, даже не три! Не знаю, что на меня повлияло – смена часового пояса (разница в четыре часа), физическое и эмоциональное истощение, отсутствие тренировок в течение нескольких предыдущих недель, но факт остается фактом. Во время бега ноги словно отекали, дыхание сбивалось, финальная сотня метров казалась непреодолимой. Одним словом, это был не мой день. Другие же кандидаты из ЗабВО уложились по времени в положительные оценки, хоть показатели у большинства оказались хуже, чем прежде на сборах!

Судьба сыграла со мной злую шутку, и печали моей не было ни конца, ни края. Пройти столько испытаний и спо-

ткнуться на заключительном? Оставалось, как битой собаке, поджать хвост и возвращаться в часть. Но для этого нужно было пройти определенные формальности – мандатную комиссию.

Пришел я на мандатку, представился. В помещении находились несколько старших офицеров и начальник училища – Герой Советского Союза, генерал-майор Альберт Евдокимович Слюсарь. Это была моя первая встреча с генералом и, очевидно, последняя. Стоящие в линию столы, за которыми восседало высокое военное начальство, казалось, отгораживали меня от моей мечты непреступным барьером. В столь представительной компании я, простой рядовой, еще никогда не находился. Сердце в груди похолодело от накатившей на меня тревоги. Хотя, вроде бы, чего бояться – все уже свершилось.

Начальник училища, полистав лежащие перед ним бумаги, поднял на меня свой пронизательный взгляд и неожиданно спросил: в чем причина моей двойки за кросс и смогу ли я в дальнейшем подтянуть свои навыки в беге? Я, как мог, объяснил и заверил, что обязательно подтяну. Замершее до этого сердце заколотилось, как отбойный молоток. Где-то совсем вдалеке и почти неосознанно для меня вдруг засиял лучик надежды. И случилось непредвиденное, если не сказать – чудо. Комиссия, тихо перекинувшись парой фраз, вынесла свой вердикт: зачислить меня в ряды курсантов.

Любые передвижения в училище, по крайней мере на пер-

вом и втором курсах, происходят бегом или строевым шагом. Умение хорошо бегать на средние и длинные дистанции – одно из важнейших качеств десантника и, тем более, курсанта-десантника. Подразделение на кроссе оценивается по последнему финишировавшему, поэтому так важно, чтобы все без исключения могли удерживать необходимый темп. Не говорю уже о реальной боевой ситуации, когда подразделение должно в полном составе оказаться в отведенное время в назначенном месте. В сущности, я получил невиданную поблажку. Скорее всего, мне на руку сыграли мой школьный аттестат, отличная сдача большинства экзаменов и успешное преодоление всех остальных испытаний. Да и за кросс на сборах в округе в ведомости у меня стояла все-таки пятерка.

На этом можно было бы и закончить главу про абитуру, но, к сожалению, мои мытарства на тот момент еще не закончились. Хотя, казалось бы, – сколько можно?

Из восьми человек, приехавших со мной из округа, один откололся на медкомиссии из-за неправильного прикуса. Еще двое походили, поспрашивали у курсантов, что к чему, и сами решили потихоньку сойти с дистанции. Как говорится, думали, что в училище до обеда – прыжки, а после обеда – каратэ, красивая форма, девушки и все такое... А тут – лес, наряды, работы, сумасшедшие физические нагрузки, короче – пахать, пахать и пахать.

Пока гражданские сдавали экзамены, нас, уже зачисленных, привлекали к выполнению разного рода полезных, и

не очень, но масштабных работ. Например, была поставлена задача: собрать все шишки и упавшие ветки в лесу напротив контрольно-технического пункта (КТП) – по фронту метров сто и на глубину около пятидесяти. Естественно, у моих спутников, так быстро изменивших своей мечте – я их отнюдь ни в чем не обвиняю, – не было никакого стимула работать, и они просто тянули время. Служба-то идет, и дембель приближается. Зачастую я попадал в рабочую команду именно с ними. Как-то так сложилось. О происходящем, конечно, приходилось молчать, «как рыба об лед», иначе это расценили бы как стукачество. Одна беда – работу нарезали на всех, и в одиночку я, при всем желании, выполнить ее не мог. При проверке выяснялось, что задание отрабатывалось некачественно или не в полном объеме. Старшего лейтенанта В. – командира седьмой роты вновь набранного первого курса, определявшего нам фронт работы, – естественно, это не устраивало. При проведении с нами очередной «душеспасительной» беседы он заявил, что такие, как я, не будут учиться в нашем училище. Взгляд ему мой не понравился. Ясное дело: один я стоял в этот момент с недовольным лицом, остальным было по барабану.

В общем, с седьмой ротой я пролетел, хоть и желал попасть именно в это подразделение. Туда многие стремились, так как в ее составе находился взвод разведчиков, принимавших участие во всех показательных выступлениях. К тому же, командир этой роты, несмотря на молодые годы, имел в

училище серьезный и, безусловно, заслуженный авторитет. Одним словом, с его подачи у меня имелись все шансы пролететь и с восьмой, и с девятой ротой инженерного факультета. На факультет спецназа я физически попасть не мог, так как для зачисления на него нужно было ранее сдать экзамен по иностранному языку. А у меня в школе с этим, а конкретно – с немецким языком, складывалось не очень гладко, поэтому я отмел такую идею сразу, еще на сборах.

И тут, на мое счастье, я каким-то образом попал в поле зрения командира восьмой роты – старшего лейтенанта Х. Не скажу, что он во мне души не чаял (это вообще не про него), но, вероятно, увидел во мне какие-то полезные для него, а точнее сказать – для его роты, качества. Главным образом, этим отличался его подход к набору курсантов от методов других командиров, искавших в свои подразделения гармонистов, запевал, хороших спортсменов, хотя это тоже важно. Его подход можно охарактеризовать как хозяйственный или практичный. Именно по этой причине в нашу роту попали: неплохой сварщик Юра Ш., обладатель каллиграфического почерка Коля Г. и ряд других умельцев.

В отношении меня, возможно, на его решение повлиял следующий эпизод. Построил он нас как-то (несколько человек, ранее служивших) и задал вопрос: «Кто в курсе, в каких пропорциях для раствора смешивается цемент с песком?». Все отмолчались, а я, особо не раздумывая, ответил, что один к трем или один к четырем – смотря для каких це-

лей делается раствор. После этого мне поручили ремонтировать в казарме кирпичный порожек, потом еще какие-то работы и хозяйственные дела. И через короткое время я получил должность каптерщика в роте, подчиненной старшему лейтенанту Х. Выбора у меня не было. В тот момент эта должность стала моей спасительной соломинкой.

Положение мое после неожиданного назначения несколько упрочилось, и жизнь протекала уже в новом качестве — материально ответственного лица. Забегая вперед, скажу, что выполнял я соответствующие этому статусу «почетные» обязанности весь первый курс и начало второго.

Глава 4. Первый курс: КМБ, присяга, первые трудности

Наверное, о первом курсе мне будет рассказывать труднее всего. Самое сложное время, по большей части врезавшееся в память не какими-то забавными ситуациями, а навалившимися трудностями и лишениями, с которыми многим из нас пришлось столкнуться впервые в жизни. Не знаю, как других, но меня спасало от мысли бросить учебу только одно – чувство стыда. Совестно было признать поражение, вернуться с поникшей головой в свою часть. Стыдно было перед теми, кто держался, еще больше – перед родными, друзьями и близкими. Практически каждый следующий день становился вызовом самому себе: приходилось выбирать между позорным отступлением и терпением. Наконец-то подобрал то слово, которым можно коротко и емко охарактеризовать самую суть первого курса, – именно «терпение». Терпеть приходилось не только серьезные физические нагрузки, но и психологические. И это я говорю о себе, уже познавшем многие «радости» воинской службы. А каково было ребятам, только что оторванным от теплого, уютного жилища, семьи и вольготной гражданской жизни?

Буквально в самом начале учебы от старших товарищей я

узнал, что у всех курсов есть шуточные, но, если вникнуть, очень правильные названия:

первый курс – «без вины виноватые»;

второй курс – «им приказано выжить»;

третий курс – «веселые ребята»;

четвертый курс – «золотые женихи».

Думаю, читатель дальше по тексту поймет, почему курсы назывались именно так – по крайней мере, с моими подсказками.

Фактически, первый год учебы начался у нас с курса молодого бойца (КМБ), мало чем отличавшегося от такого же, который проходили новобранцы в любой части ВДВ. Возможно, только строгости и уставщины у нас было еще больше. Жить исключительно по военному регламенту – это очень сложная, а может, даже и невыполнимая задача. Отсюда и «без вины виноватые». Как бы ты ни старался, идеала, предписанного уставами, никогда не достигнешь. Но стремиться надо, и мы стремились.

Во время КМБ все новобранцы проживали в учебном центре в щитовых казармах. Здесь и делались первые, самые трудные шаги нашей курсантской жизни. По сути, они начинались с получения и клеймения форменной одежды: хлопчатобумажного обмундирования (ХБ), пилотки, тельняшки, солдатского ремня с бляшкой, тренчика – ремня для брюк-галифе, портянок и сапог. Отличие от обычных солдат, если не брать во внимание погоны, было только в сапогах. Солдат

одевали в кирзачи, а нам выдавали юфтевые. Весили они гораздо больше кирзовых, особенно когда намокали. Сами понимаете, бегать в них после этого еще тяжелее. Если вы заметили, беретов нам сразу не выдавали, их нужно было еще заслужить – совершить прыжки с парашютом и испытать себя на первом полевом выходе.

У некоторых гражданских трудности возникали уже на этапе получения и клеймения обмундирования. Аккуратно вписать разбавленной водой хлоркой при помощи заостренной спички свою фамилию в прямоугольник размером пять на один сантиметр так, чтобы она не расплылась, удавалось не каждому. При этом клеймилось все, кроме нижнего белья и портянок, которые периодически менялись в бане. А если еще выдавалось зимнее обмундирование?! Не забываем про рюкзак, офицерскую сумку, противогаз, ОЗК (общевоинской защитный комплект), лыжи – все это также имело клеймо своего хозяина, набитое через трафарет или пришитое в виде бирки.

Очевидно, из-за этого я не встречал среди курсантов никого с очень длинной фамилией, вроде Салтыкова-Щедрина или Юнгвальд-Хилькевича. Мне в этом смысле очень повезло: у меня фамилия из четырех букв. Я легко и быстро вписывал ее в отведенное пространство, да еще и с инициалами. Все еще маются, а я уже расслабляюсь в каптерке. Хотя там тоже работы хватало – за порядком в ней неустанно следил командир роты.

Базовые навыки армейского быта – пришивание погон, шевронов, петлиц, подворотничков, наматывание портянок и тому подобное – я получил на срочной службе, и мне было несколько проще, чем моим гражданским собратьям. Контроль соответствия формы одежды уставу осуществлялся сержантами на глаз, а иной раз и при помощи линейки. Отклонение даже на пару миллиметров, и все только что пришитое нещадно отрывалось нашими младшими командирами. Орудовать иглой приходилось вновь. Меня, как и прочих служивших товарищей, эта процедура, как правило, обходила стороной – сказывался армейский опыт.

Утренние и вечерние поверки проводились очень тщательно. Подворотничок, стрелки на галифе, бритье, кантик волос на затылке, ногти, ременная пряжка, сапоги – все должно было быть идеальным. За любые, самые незначительные отклонения запросто можно было схлопотать наряд вне очереди или, по крайней мере, услышать язвительные насмешки со стороны сержантского состава. При этом аккуратный внешний вид приходилось поддерживать в течение всего дня – перед всеми построениями, а проводилось их немало. Довольно часто можно было видеть, как курсанты, воспользовавшись свободной минутой, натирали бархоткой пряжку или кремили сапоги.

Не знаю, кто придумал портянки. Наверное, народ, совершивший действительно важные для становления человечества открытия: извлечение огня, приготовление пищи,

скотоводство, растениеводство и, наконец, колесо. Дешево и сердито. Думаю, что портянки можно смело отнести к неоспоримым преимуществам нашей армии. Они, в отличие от носков, имеют большой ресурс применения и недороги в производстве. Одна только с ними проблема: инструкция по применению не прилагается – это же не блендер. На самом деле, наматывание портянок – совсем не сложная процедура, но без минимальной сноровки и тренировки первое время почти ни у кого не получается. Вроде бы запомнил человек, а утром проснулся, положил ногу на портянку: «Куда наматывать, в какую сторону?». Сейчас, возможно, кто-то вспомнил себя и улыбнулся.

За неумение обращаться с портянками никого не наказывали. Такие курсанты наказывали сами себя. Из-за того, что ходить и бегать приходилось много, небрежно намотанные портянки постоянно сбивались и до кровавых мозолей натирали ноги. Перемотать их в полевых условиях поначалу – тоже непростая задача: стоишь, балансируешь на одной ноге, как цапля, а на другую, полусогнутую, наматываешь портянку. У меня, к счастью, с этим никогда проблем не было. Лишь однажды, уже на втором курсе, во время полевого выхода я сильно натер ногу. Это был мой первый выход в только что полученных берцах. Возможно, многие удивятся, но носили мы их также с портянками. А проблема заключалась в том, что подошвы тогда не вливались в ботинки, как это делается сейчас, а прибивались гвоздями. Где-то к середине

пути я начал понемногу чувствовать один из выпирающих гвоздей. Через стельку он не вышел, но слегка приподнял ее маленьким бугорком, о который я и натер ногу. Последние километры пришлось идти, что называется, на зубах. Сдал автомат в оружейку, и все – больше не смог пройти и метра. Сняв ботинок, я увидел на стопе водянку размером с пятикопеечную монету – примерно, как современные пять рублей. Проколол ее раскаленной на огне иглой, залепил пластырем, и на следующий день уже бегал как сайгак.

Курсантов с потертостями переобували в прикроватные тапочки. Ходить в них строем считалось постыдным. Помню, как уже на выпускном курсе в учебном центре мы увидели роту первокурсников, следующих в столовую. Все они шли обутые в тапочки. Работал известный армейский принцип: все должно быть хоть и безобразно, но единообразно. Из-за нескольких человек переобули всех. Проходившая мимо нас колонна была подвергнута едким и унижительным насмешкам. На ум тут приходит аналогия – кадры хроники с колоннами плененных немецких солдат, плетущихся по улицам Сталинграда. Речь идет, конечно, не о внешнем виде, а о выражении лица, взгляде, отражающем борьбу человеческого достоинства со стыдом. Больше всего от этого унижения страдали сержанты, которые в таком позорном виде шли впереди.

Отдельная история для курсанта-новобранца – это наведение и поддержание идеального порядка в расположении. В

нашей казарме все было настолько параллельно и перпендикулярно, что любой перфекционист сошел бы с ума от счастья. Под стропу или белую нитку равнялись кровати, затем полосы на одеялах, подушки, табуреты. В прямую линию выстраивались офицерские сумки, подвешенные на спинках кроватей, тумбочки, сложенная на табуретах одежда, сапоги. Края матрасов и подушек отбивали тапками до прямого угла. Даже одеяла с простынями отбрасывались на дужки кроватей по команде «Подъем» таким образом, чтобы они свисали на одну длину. Как человек, прошедший учебку и имевший достаточный опыт в проведении вышеописанных мероприятий, могу сказать, что требования к нам на первом курсе были гораздо выше.

Время от времени командиры замечали какие-то недостатки. Вернувшись в казарму, например, с завтрака, можно было увидеть, что одеяла на всех кроватях взвода варварски сорваны. Все приходилось делать заново, но с еще большим усердием. Сидеть или, упаси Бог, лежать на кроватях днем категорически запрещалось. Это – залет.

«Залет» – самое страшное для курсанта слово. Все залеты условно делились по тяжести на три категории: просто залет, залет на все училище и залет на все ВДВ. Под этим словом подразумевались из ряда вон выходящие действия курсанта, которые неминуемо приводят к его наказанию – как правило, к наряду вне очереди, гауптвахте, а в худшем варианте – к отчислению. При определенных обстоятельствах могли также

применяться методы коллективного воспитания. Тогда это называлось «тренаж» или «тактико-строевое занятие», так как коллективные наказания в армии запрещены.

Помню, как из-за недостаточно аккуратной заправки обмундирования на табуретках после команды «Отбой» мы бежали с ними к тактическому полю и уже там, по секундомеру, тренировались раздеваться и складывать одежду. Такая же процедура могла проходить, но уже с прикроватными тумбочками. В тумбочках тоже должно было лежать все в одинаковой последовательности, а учебники и тетради выравнивались в стопках по краям. Случалось, что курсанты брали с собой на аналогичный тренаж не только табуретки или тумбочки, но и несколько кроватей со всеми постельными принадлежностями. Со стороны казалось, что очень расторопные слуги переносят в паланкине важную персону.

Некоторым «счастливчикам» удавалось попасть на походы «бычка», проводившиеся в тех случаях, когда на прилегающей к казарме территории находили окурок. При таком раскладе дежурный взвод или отделение, иногда ночью, направлялись бегом в лес на «траурную церемонию». Яма при этом копалась примерно метра два глубиной. Такая же участь могла постигнуть, если кого-то замечали курящим в казарме – по огоньку сигареты или клубам дыма, выпускаемым в окно. Это иногда происходило в темное время суток. Курить в помещении днем не пришло бы в голову даже самым отчаянным нарушителям воинской дисциплины.

Между прочим, на первом курсе курящих у нас практически не было. В моем взводе из тридцати человек этой привычке оказались подвержены всего два сержанта, служившие до училища в ВДВ и, вследствие этого, переносившие нагрузки на порядок легче. Из остальных, может, кто и курил раньше, да жизнь заставила бросить: дышалка не выводила, ну и по карману бьет. Денежное довольствие рядового курсанта составляло всего восемь рублей. На него нужно еще мыльно-рыльные принадлежности купить, крем, обувную щетку. Как говорится: «Совесть – это наше богатство, а мы – курсанты – люди бедные». Ничего не могу сказать о совести, но в плане бедности – это, несомненно, так. Если что-то и оставалось после необходимых трат, то – сущая мелочь. А еще ведь хотелось в чайную хоть изредка сбегать (именно сбегать, а не сходить).

Я уже упоминал, что все передвижения осуществлялись на первом курсе исключительно строевым шагом или бегом. На зарядке мы бегали кросс километра четыре, но проблема состояла не столько в расстоянии, сколько в маршруте. Он проходил преимущественно по песчаной лесной дороге, бежать по которой было чрезвычайно трудно. В общем, по моим ощущениям, кросс на зарядке заканчивался ровно тогда, когда я думал, что все – сейчас умру. Известная пословица о том, что десантник бежит сначала сколько может, а затем – сколько надо, мало стимулировала в такой ситуации. Конечно, это мои субъективные ощущения – стайер я не са-

мый лучший. Однако могу сказать определенно, что утренний кросс ни для кого из нас не казался легкой прогулкой. Помню, один из курсантов нашей роты, получивший еще на гражданке первый спортивный разряд по легкой атлетике, говорил, что ему бегать так же сложно, как и остальным, поскольку спортивные состязания – это абсолютно другое: подготавлился, выпался, размялся и все такое... Сапоги, кстати, тоже мало подходят на кроссовки.

Если кто-то из нас во время кросса отставал, то все подразделение переходило на гусиный шаг, пока отстающие не догонят. Передвижение по песку таким способом со стороны кажется очень забавным, но нам было явно не до смеха. И уж совсем не весело было тем, из-за кого страдала вся рота. Чего греха таить, оказывался и я пару раз в их числе. На отстающих смотрели в этот момент, без преувеличения, со злобой – бежать всем тяжело. Были, конечно, индивидуумы, у которых легкие – как кузнечные меха, но приходилось ведь испытывать не только аэробные, но и другие, совершенно разноплановые нагрузки.

Силовые упражнения на спортивном городке тоже, как правило, довольно изнурительные. Отжимания от пола, подтягивания на перекладине, упражнения на пресс проводились под счет синхронно всем подразделением. Это не то же самое, когда ты все выполняешь самостоятельно в удобном тебе ритме. После доведения организма, как казалось, до полного изнеможения, традиционно звучала команда: «Еще

один – два, три раза – в зависимости от ситуации – за ВДВ!» В общем, физической активности нам хватало с лихвой – как бывшим срочникам, так и гражданским.

Дополнительную нагрузку приносили занятия по строевой подготовке, организованные как в форме стандартного учебного часа, так и в виде утреннего тренажа. Не зря же чисто армейское слово «муштра» ассоциируется у любого человека с многократными повторениями до упада. Попробуйте хотя бы часок походить, чеканя шаг, да еще и в соответствии с канонами устава: подбородок приподнят, плечи расправлены, носок вытянут, стопа поднимается не менее чем на двадцать сантиметров над землей, одна рука максимально отводится назад, другая поднимается до уровня груди строго параллельно земле. Очень скоро ноги начнут гудеть, как камертон.

Несмотря на то, что я пришел из войск, выяснилось, что строевые навыки у меня на уровне пинтуса. Ходить научили в ногу – и ладно. Оказалось, что строевая подготовка включает в себя массу приемов, которые отрабатываются почти ежедневными тренировками на плацу, иногда под барабан: строем и в одиночном порядке, с оружием и без него. Наконец я узнал, зачем в нашей части на плацу были нарисованы квадратики и как ими следовало пользоваться. Со строевой песней я также ранее практически не ходил. Здесь же – движение в столовую, из нее, на вечерней прогулке – осуществлялось только с песней. Все это нужно было постигать

почти с нуля наравне с моими гражданскими товарищами.

Но, наверное, самое сложное для бывших гражданских было – научиться беспрекословно подчиняться старшим по званию или должности. Автоматически рядовые курсанты и их младшие начальники становились антагонистами. Многие новобранцы считали, что младший командир относится к ним предвзято, придирается больше, чем требуется. Из-за этого зачастую у подчиненных складывалось (конечно, за глаза) крайне негативное отношение к сержантскому составу, которое постепенно смягчалось лишь с течением времени и окончательно улетучилось к четвертому курсу. Да и половина младших командиров уже ко второму-третьему курсу поменялась, и многие сами заняли их места. Но до этого еще было ой как далеко.

Буквально в первые дни нахождения в училище пришло осознание того, что время – очень ценный ресурс. Его почти всегда не хватало. Распорядок дня был рассчитан по минутам, особенно по утрам. Рота превращалась в муравейник, в котором все суется, но во внешнем хаосе просматривается строгий алгоритм движения взводов. Дирижирует всем этим дневальный по роте: «Первый взвод, приступить к умыванию! Второй взвод, отправить естественные надобности! Третий взвод, заправить кровати!». Все процедуры начинаются и заканчиваются строго по его команде. Успел или нет – твои проблемы.

Довольно быстро мы научились использовать, без преуве-

личения, каждую свободную минуту: для приведения внешнего вида в порядок, повторения изученного, чтения книг, отдыха и сна. Есть такая пословица, что у десантника сонная артерия на ж*пе: где сядет, там и засыпает. Умение быстро отключиться связано не только с постоянной усталостью. Помните, как в известном сериале Татьяны Лиозновой Штирлиц заснул в машине и ровно через десять минут проснулся? И затем голос за кадром: «Эта способность была выработана у Штирлица годами». Только нам для получения подобного навыка не понадобилось несколько лет – хватило пары недель. Казалось, как верблюды водой, мы при случае запасались каждой минутой отдыха впрок.

При всех описанных тяготах нам приходилось еще учиться прыгать с парашютом, изучать уставы, ходить в наряды, выполнять хозяйственные работы, стирать и гладить – преимущественно по ночам, так как на взвод приходился всего один утюг, – и многое другое.

Например, наша рота на КМБ оказывала помощь колхозу в уборке картофеля. Жили курсанты несколько дней в палатках непосредственно у поля, чтобы не терять время на дорогу. Условия были, мягко говоря, неважные: погода промозглая, слякоть. У некоторых от грязи начинали гноиться руки. Однако не буду сильно распространяться об этом мероприятии, так как в нем лично не участвовал, хотя и был наслышан. Я в это время с Колей Г. из второго взвода благоустраивал казарму. Не спешите кидать в нас камни. Нам с

Николаем пришлось, помимо прочей работы, обклеить обоями полказармы: канцелярию, две бытовки, ленинскую комнату, спортивную комнату, оружейную. Короче, все, кроме кубриков. Работы замедлялись тем, что приходилось варить на костре клейстер из муки (обойного клея раньше почти нигде не было). Сначала клеили на совесть. Потом, когда поняли, что не успеваем, стали ускоряться, а дальше и вовсе пришлось работать, захватывая ночное время. В последнюю ночь все, наконец, доклеили и улеглись спать, как принцесса на горошине, – на стопке матрасов, лежавшей в оружейке. Было около четырех утра. Вроде бы только закрыл глаза, а тут ротный дергает меня за ногу и кричит: «Хватит спать, лентяи!». Оказалось, уже настало время подъема. Но все же лучше, чем на картошке.

Насколько тяжело многие из нас переносили физические и психологические нагрузки, поможет понять один эпизод. Произошел он перед отбоем или сразу после него, когда в казарме отсутствовал офицерский состав. У одного из курсантов ни с того ни с сего начался приступ эпилепсии. Я ранее только слышал о подобном недуге и поэтому был сильно впечатлен увиденным. Наш товарищ неожиданно упал на пол и начал биться в страшных конвульсиях. Из рта пузырями шла пена, лицо его стало мертвецки бледным, а глаза – стеклянными, как будто утратили искру жизни. Все, кто оказался в тот момент рядом, подрастерялись, пока Саня Г., командир первого отделения нашего взвода, не взял иници-

ативу на себя. Мы под его руководством стали удерживать тело, руки, ноги больного товарища и, самое главное, голову, чтобы он не захлебнулся и не расшиб себе затылок. Несмотря на общие усилия, фиксация удавалась с трудом. Когда парень пришел в себя, он ничего не помнил. Как выяснилось потом, это был его первый приступ. Родственников с таким заболеванием у него в роду не числилось – то есть генетическая предрасположенность отсутствовала. Врач, осматривавший его позднее, сказал, что все могло произойти из-за сильных психических потрясений. Парень всегда казался улыбчивым, и по внешнему виду его внутренние переживания определить было сложно. Конечно, его отчислили. Этот случай стал первой безвозвратной санитарной потерей нашей роты.

Как я уже отмечал, первый курс был самым трудным для нас во всех отношениях, поэтому наибольший отсев происходил именно в первый год учебы – как по состоянию здоровья, так и по другим причинам. Приведу лишь несколько наиболее характерных примеров.

Со мной на абитуре находился один товарищ из ЗабВО – замечательный парень; хорошо играл на гитаре и сам сочинял песни. Поступал он впервые еще с гражданки, но завалил экзамены. Второй раз решил пробиваться из войск, когда отслужил уже полтора года. С успехом прошел все испытания и был зачислен одновременно со мной в ряды курсантов. По-моему, нам еще и форму новую не выдали, как он

написал рапорт об отчислении – разочаровался, наверное. Но его история на этом не закончилась. Прошел год учебы, я только что перешел на второй курс и увидел среди первокурсников своего знакомого. Он пребывал в хорошем настроении и неподдельно радовался тому, что опять поступил на наш факультет. Однако и в этот раз он не смог удержаться и через пару месяцев вновь был отчислен по собственному желанию.

Насколько мне известно, в училище старались не допускать к экзаменам кандидатов, пробовавших поступать три и более раз. С точки зрения психологии, целью для них служило само поступление, а не учеба. Поэтому большинство таких товарищей, утративших в жизни ориентир, сходило с дистанции, так и не закончив, а точнее, толком даже не начав обучение. Я еще на абитуре слышал от старшекурсников, что поступить в училище легко, а вот удержаться – трудно. Это было действительно так.

Или вот такая история. Числился у нас на абитуре один морячок – добродушный и очень крепкий парень. К моменту поступления он прослужил на флоте полтора года. Казалось, что его ничто не сможет сломить. Через достаточно короткое время он отчислился и был направлен дослуживать, по-моему, в Рязанский полк ВДВ. Надо сказать, что он даже выиграл в этой ситуации. На флоте бы ему пришлось служить три года, а так – дослужил полгода и домой. В отпуск к родным приезжал в бескозырке, а дембельнулся – в голубом берете.

Чудны дела Твои, Господи!

Помню, в нашей роте было несколько человек, прослуживших в войсках по полтора-два года и, вроде бы, осознававших, что их ждет, но реальность оказалась иной, и они приняли решение отчислиться.

Где-то я читал воспоминания одного из выпускников РВДКУ, примерно наших лет, о первом годе учебы. Ко времени поступления парень уже отслужил в крылатой пехоте два года, преодолел, как он думал, все возможные трудности и был уверен, что учеба в училище станет для него санаторием. Но не тут-то было. Что же говорить о семнадцатилетних пацанах, которых только из дома вырвали?

По окончании КМБ у тех новобранцев, которые смогли его выдержать, принимали присягу. Ранее служившие по понятным причинам на ней не присутствовали. Церемония проводилась в торжественной обстановке на плацу в Рязани. Я же в это время по каким-то хозяйственным вопросам находился в Сельцах, поэтому вынужден ограничиться лишь парой строк в описании столь важного для любого юноши воинского ритуала. С этого момента ребята, поступившие с гражданки, стали не просто курсантами, а военными – защитниками нашей Родины. Возврат к гражданской жизни уже был практически невозможен. Исключение из училища означало только одно: направление для исполнения воинского долга рядовым в войска. Свободно могли отчислиться только те, кто к этому моменту уже отслужил положенные

два года или, как уже было сказано, по состоянию здоровья.

После присяги начался полновесный учебный процесс. Теперь каждый день, кроме воскресенья, у нас до обеда проводились занятия – как по военным, так и по гражданским предметам. Еще три часа, уже после обеда, отводилось на самоподготовку. Несколько раз в неделю по утрам в течение часа проходили тренажи для отработки нормативов по различным военным дисциплинам или строевой подготовке.

На этом этапе проблемы начали появляться также у тех, кто, как и я, поступал из войск. В большинстве своем по гражданским дисциплинам – физике, высшей математике, иностранному языку – мы учились хуже бывших штатских и кадетов. В моем случае серьезной помехой в учебе являлись возложенные на меня обязанности по хозяйственной части. Немало времени приходилось уделять получению и выдаче курсантам различного обмундирования, мыла, полотенец, постельного и нижнего белья, сдаче имущества на склады, наведению порядка в каптерке и тому подобному. Много из этого делалось в часы, отведенные для самоподготовки.

Забегая вперед, скажу, что на первой же зимней сессии почти половина нашего взвода завалилась на экзамене по высшей математике. К моей большой радости, я не оказался в числе отстающих. Не успел сдать предмет до конца сессии – в отпуск не поедешь, пока не сдашь. Теряешь такие драгоценные дни пребывания дома, с родными и близкими.

В середине осени нам запланировали первый полевой вы-

ход – единственный за все время учебы, который я пропустил. Весть ротного о том, что в это время мне следует находиться в учебном центре, я принял с тихой радостью в сердце. До этого на такие большие расстояния мне никогда не приходилось ходить, и, несомненно, страх неизведанного понемногу сверлил меня изнутри. Как потом оказалось, он был совершенно напрасным, так как ходил я достаточно хорошо.

По рассказам однокурсников, дебютный выход оказался очень трудным. На определенном этапе нужно было совершить десятикилометровый марш-бросок, причем в зимних десантных куртках и с полной выкладкой. Во время этого выхода произошел трагический случай: одному из курсантов стало плохо, и его пришлось отправить дежурным транспортом в санчасть. Непосильная нагрузка привела к тому, что у него начали отказывать внутренние органы. Разумеется, позже он был отчислен по состоянию здоровья. Поговаривали, что его родители хотели привлечь командование училища к ответственности, но у них ничего не вышло. Документ, выданный гражданской поликлиникой, о том, что на момент поступления парень был совершенно здоров, конечно, имелся. Все вопросы – к врачам, выдавшим справку.

Хорошо помню свой первый День ВДВ – второго августа 1987 года. Он проходил на территории учебного центра. Курсанты старшего курса подготовили показательные выступления по рукопашному бою, так называемую «показуху». Демонстрация была впечатляющей. Подобное в те вре-

мена редко где удавалось увидеть. Да и по нынешним меркам некоторые номера соответствовали по уровню цирковым – возможно, даже мирового масштаба. На этом мероприятии я познакомился с одним солдатом, принимавшим в нем, наряду с курсантами, непосредственное участие. Задал ему традиционный при знакомстве военнослужащих срочной службы вопрос: сколько он прослужил? Его ответ меня ошарашил: «Семь лет». Парень выглядел совсем молодым, непохожим на сверхсрочника, к тому же он был простым рядовым. Оказалось, что он являлся «сыном полка». В РВДКУ существовала практика брать на воспитание мальчиков-сирот. Они после школы не валяли дурака, как многие сверстники, а служили в оркестре училища и проживали в казарме. Их обучали игре на каком-нибудь духовом или ударном инструменте. Они так же, как все, ходили в наряды по роте и, вообще, становились полноправными членами военного оркестра. Поблажек по малолетству им никаких не делали, скорее наоборот. Только в двадцатилетнем возрасте они могли закончить службу и уволиться из рядов Вооруженных сил.

Что еще рассказать про первый курс? Все, что смог, вспомнил. Напишу-ка я, как он для меня закончился. Мое убытие в отпуск притормозили на целую неделю. Такое происходило в двух случаях: если сдал не все экзамены или зачеты, а также «по залету». Последних в шутку называли «политическими». Такая, знаете ли, «гримаса» того времени. Я, как вы, очевидно, догадались, оказался в «политиче-

ских». Учился я хорошо. По крайней мере, не помню, чтобы я сдал на два балла какой-то предмет. Пересдавать приходилось – один раз, чтобы, наоборот, неделю к отпуску добавили. Тем, кто заканчивал сессию на отлично и по всем остальным предметам имел пятерки, к отпуску плюсовали неделю. Три дня – когда в таблице восемьдесят процентов отличных оценок, если не ошибаюсь, а остальные – «хорошо»; опять же при условии, что сессия сдана на отлично.

Быть «политическим» вдвойне обидно, так как можно было угодить в эту категорию за сущую ерунду, особенно если она приключалась накануне отпуска. Те, кто думает, что не уехавшие на каникулы жили эти дни вольготно, глубоко заблуждаются. Само собой, в нагрузку давалась какая-то работа. Из-за чего я в этот раз попал в немилость? В общем-то, ни из-за чего – неправомерно «репрессирован». Хотя это, наверное, чисто субъективно. Расскажу о причинах в другой главе, а может, вообще в другой раз.

Да что я все о себе да о себе – много чести моей скромной персоне. Наблюдал я в эти грустные дни за такой, на мой взгляд, интересной картиной. В почти пустую казарму вошел полковник в повседневной форме воздушно-десантных войск. Дневальный, как обычно, скомандовал: «Дежурный по роте, на выход!». Не успел подоспевший дежурный сделать доклад, как посетитель жестом прервал его и попросил вызвать одного из курсантов. По команде дневального из расположения выбежал один из немногочисленных залетчи-

ков или двоечников (кто конкретно – неважно). За несколько шагов до старшего офицера он перешел на строевой шаг, чеканя его сильнее, чем обычно, и громко доложил: «Курсант N по вашему приказанию прибыл!». Лицо полковника в этот момент резко изменилось, выражая «гром и молнии». В глазах парня на долю секунды промелькнул испуг. Оказалось, что это отец нерадивого курсанта приехал, чтобы вытащить его из училища в отпуск. Совершенно ясно, что чувствовал он себя в такой ситуации, мягко говоря, некомфортно. Но меня больше удивил не полковник, а его отпрыск, разговаривавший со своим родителем на «вы» и строго по уставу. Напоминает эпизод из легендарного фильма «Офицеры» с Суворовцем Ваней Трофимовым, получившим взыскание за опоздание из увольнения, и его высокопоставленным дедом.

Конечно, когда все подразделение убывает в отпуск, а тебя притормозили, смотреть на это довольно грустно. Саня В. с сотоварищами из второго взвода для поддержания боевого духа остающихся придумал такую штуку: прикрепил к двери на выходе из казармы небольшую картонную коробку, на крышке которой было написано: «Окажите посильную помощь тем, кому не повезло!». К ней в качестве первого взноса был прикреплен бумажный рубль, нанизанный на нитку, продетую в иголку. Крепилась эта конструкция на коробке таким образом, чтобы была видна купюра. Покидавшие расположение бросали в коробку мелочь – кто что мог. Дело, как вы понимаете, не в деньгах. Уже вряд ли кто вспомнит,

сколько их собрали и на что потратили (скорее всего, на поход в чайную). Но затея запомнилась – от души. Странно, что ни один командир не принял мер, чтобы снять эту картонку. Возможно, вспомнили свои курсантские годы, а может, просто оценили поступок.

Думаю, на этой мажорной ноте следует закрыть тему о первом курсе. Тем более, что самое интересное, по крайней мере, на мой взгляд, впереди.

Глава 5. Полевые выходы

Полевой выход – это квинтэссенция, сплав всего предыдущего периода обучения. Он включает в себя не только пешие марши в учебный центр и обратно, но и размещение в лагере, организацию быта, практическую отработку навыков в тактике, топографии, вождении боевых машин, огневой подготовке и целом ряде других дисциплин.

Именно на полевом выходе курсант на своей шкуре и в полной мере познает смысл пословицы: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Полученный на практике опыт научит придавать значение самым, казалось бы, незначительным деталям, поможет осознать и в дальнейшем не допускать многих ошибок, которые в боевой обстановке могут стать фатальными.

Полевые выходы – наиболее сложная, как физически, так и психологически, часть учебного процесса. В первую очередь именно в поле из курсанта куется настоящий боец, а затем и командир. Главным образом поэтому я поставил главу, которую вы сейчас читаете, выше многих других, даже той, что про прыжки с парашютом. Кстати, значительная часть прыжков также совершалась в учебном центре. Да и в итоге мы четверть своей курсантской жизни провели в Сельцах и иных полевых лагерях.

Наверное, настало время познакомить вас с самим учебным центром – таким, каким он остался в моей памяти. На тот момент наш учебный центр был самым большим среди центров военных учебных заведений Советского Союза. Думаю, эта позиция остается за ним и по сей день. Сейчас, конечно, многое изменилось, перестроилось, но его основа осталась прежней. Поэтому мне будет комфортнее повествовать о нем в настоящем, а не в прошедшем времени.

Центр занимает огромную площадь. Учебные занятия в нем проводятся на тактическом поле, танкодроме, стрельбище, автодроме, вододrome, в городке по борьбе с танками и летящими целями. Имеются также учебные корпуса различной направленности, летние классы, лаборатории эксплуатации автомобильной и бронетанковой техники.

Отработка конкретных тактических задач осуществляется на объектах или макетах, специально сооруженных для этих целей. Например: полуразрушенные строения (бедлам), железобетонный мост, линия проволочных заграждений, макет ракетного комплекса на стартовой площадке и так далее. Подготовка и проведению парашютных прыжков служат собственный полевой аэродром и обширный воздушно-десантный комплекс. Для спортивных тренировок предусмотрены: спортгородок, стадион, спортзал, две полосы препятствий (единая и ВДВ) и водная станция с дорожками для плавания. Плац тоже в наличии – как же без него?

Прием пищи осуществляется курсантами в стационар-

ной столовой. Дополнительное питание можно приобрести в чайной или магазине, также расположенных на территории учебного центра. Об этом будет сказано подробнее в одной из следующих глав. При оборудовании лагеря за пределами центра организуется полевая кухня. Имеется в лесу даже почтовое отделение – приятно ведь письмо или посылку получить, не дожидаясь прибытия в Рязань. В учебном центре, вдали от благ цивилизации, все эти маленькие радости воспринимаются еще острее.

Обеспечением учебного процесса занимается специальный батальон (БОУП). Для материально-технического обеспечения возведены склады разного типа и назначения.

Командный состав и преподаватели располагаются в офицерских общежитиях. Курсанты первого и четвертого курсов проживают в щитовых казармах. Первогодки размещаются в них на период КМБ, а выпускники – на время проведения государственных экзаменов. Во всех остальных случаях, как правило, курсанты проживают либо в палаточном лагере в самом учебном центре, либо разбивают лагерь недалеко от него.

В лесу почти всегда находятся один или два батальона курсантов. Они, помимо обучения, несут караульную службу, охраняя все важные объекты. Лагерь в учебном центре представляет собой грунтовую площадку размером с плац. По длинным краям ее расположены три ряда шатровых палаток вместимостью десять человек каждая (как раз на от-

деление). Сами палатки крепятся к кирпичным фундаментам. Внутри них из досок сооружены нары, на которые кладут матрасы, и предусмотрено место для хранения курсантского скарба и дров.

На этом небольшой экскурс по объектам учебного центра, пожалуй, можно закончить и перейти к обзору нашей полевой, теперь уже давно минувшей курсантской жизни.

В холодное время в каждую палатку устанавливалась печка-буржуйка. Возле нее можно просушить мокрую одежду и обувь. В ненастную погоду перед отбоем сапоги размещались по периметру печки, как цыплята вокруг наседки. Главное – не пересушить, а то потом под утро они ссохнутся так, что в них не влезешь.

Печь растапливали только к ночи, и за огнем, как в первобытные времена, приходилось постоянно следить. Топили все курсанты отделения, за исключением сержантов, по очереди. Самыми лучшими для дежурства считались первый час после отбоя и последний перед подъемом, потому что время сна не разделялось на две части и было проще поддерживать себя в бодром состоянии. Если истопник уснул, то минут через двадцать, особенно в мороз, падение температуры в палатке ощущали все ее обитатели, кроме «виновника торжества». Он ведь сидит на полу ближе всего к хоть и остывающей, но еще теплой печке. Проснувшиеся от холода будили истопника бранными словами, совсем не жалея эпитетов. А как можно назвать человека, который «украл» у

своих же друзей столь драгоценные минуты отдыха? Хотя в конце трудового дня бороться со сном, глядя на огонь и слушающая умиротворяющий треск поленьев, — чрезвычайно трудное занятие. На месте провинившегося мог оказаться каждый.

Как-то один из наших товарищей, несмотря на то что ему выпало дежурить во вполне благоприятное время, практически сразу уснул. Уж не знаю, какие сновидения заставили его пробудиться. Может, нахлынувшее сквозь дрему чувство долга? Беспокойные мысли нередко способны потревожить даже самый крепкий сон. Так или иначе, проснулся он сам, без посторонней помощи, и обнаружил, что печка, испепелив пылавшие угли, окончательно остыла. Разжигать ее уже не имело смысла, так как до подъема оставалось меньше часа. Да и дело было в относительно теплую погоду. Но на всякий случай, во избежание возможных упреков, нерадивый истопник решил применить в сложившейся ситуации весьма креативный подход. Наш герой включил армейский фонарик, опустил на нем красный светофильтр и засунул его в буржуйку, создавая тем самым иллюзию огня. Посчитав, что его миссия на этом исполнена, он улегся на пол спать дальше. Кто-то в палатке все же проснулся, коченея от холода, но, увидев в щелях печи «пламя», вновь улегся поживать, надеясь на то, что истопник уже исправил свою оплошность. Однако теплее не становилось, и возмущенный курсант уже перед самым подъемом слез с нар, чтобы растолкать истоп-

ника. Подлог был обнаружен и тут же предан огласке. Реакция сослуживцев не заставила себя долго ждать – все от души постебались над хитроумным товарищем.

В моем отделении случай был, когда истопник уснул и нечаянно закатился под нары. Туда, между кирпичными опорами, нужно еще умудриться залезть. Проснулся он – кругом темно. Испугался, подумал, что огонь погас. Резко попытался встать, чтобы поскорее растопить печку, и ударился головой о нары. Еще больше испугался. Почудилось ему спросонья, что помер он и лежит в гробу. От этого случая хоть вреда никакого – посмеялись все с утра, да и только. Но бывали сценарии и покруче.

В первом отделении нашего взвода однажды не смогли решить, кто за кем дежурит, – демократия во всей своей красе. Командир отделения, Саня Г., взял в урегулировании этой проблемы самоотвод, сказав, что ему пофиг, и он может без растопленной печки в верхней одежде спокойно выспаться. Следует отметить, что на дворе стояла ранняя весна, баловавшая первыми робкими оттепелями, но было не настолько тепло, чтобы отказаться от печного отопления. Подчиненные все же решили присоединиться к небрежно предложенному командиром эксперименту, тем более что в итоге каждому удастся поспать лишний час. Как выяснилось утром, идея оказалась так себе, и в жизнь ее больше воплощать никто не собирался. Уж лучше один час каждому не доспать, чем целому отделению всю ночь мерзнуть.

С натопленной печкой в палатке даже в двадцатиградусный мороз – хоть голышом ходи. А вот без печки – в ненастные осенние и весенние дни – становилось холодновато. Вот тогда и приходилось спать прямо в одежде, укрываясь одеялом, а иногда еще и плащ-палаткой сверху. Просушиться негде было, если только в каком-нибудь наряде. Обсыхать приходилось за счет тепла собственного тела. Дожди же шли довольно часто, как и подобает в средней полосе России.

Но, как говорится, нет худа без добра. В ненастной погоде Мещерской низменности также имелся свой плюс. В сильный дождь зарядка в лесу не проводилась, и можно было почти целый час подремать. Осознание этого делало сон еще слаще. Будет ли зарядка или нет, почти всегда безошибочно определяли на слух. Капли бьют по палатке барабанной дробью – значит, пока отдыхаем. Если дождь не сильный, звук совершенно другой – ждем команды дневального: «Подъем!» и «Выйти строиться на зарядку!».

Со временем жизнь в палаточном лагере становилась привычной. По сути, простая брезентовая палатка заменяла нам дом со всеми его атрибутами, пусть и сведенными к уровню минимальных человеческих потребностей.

Совсем иное дело – стоянка, разбитая за пределами учебного центра, что, к счастью, происходило исключительно в теплое время года. В этом случае лагерь сооружался из уже неоднократно упомянутых мною армейских плащ-палаток. Для одного жилища – на отделение – необходимо сшить

стропой шесть плащ-палаток и еще двумя внутри накрыть землю. Стойками служили обычные алюминиевые лыжные палки, а деревянные колышки для натяжения строп заготавливались каждым взводом заранее. Спать в таком убежище было тесно. Размер плащ-палатки – метр восемьдесят на метр восемьдесят. Умножаем на два, делим на десятерых – получается всего тридцать шесть сантиметров на человека. Чтобы лечь на спину, места недостаточно, поэтому все укладывались на один бок. Если кто-то из спящих переворачивался, остальные синхронно, как по команде, меняли положение тела, так как спать впрытык лицом к лицу не очень-то приятно. Чуть-чуть простора появлялось, когда кто-нибудь из отделения заступал в наряд.

В шатровых палатках места значительно больше, и жизнь в них, соответственно, была гораздо комфортнее. При этом каждое отделение старалось с помощью доступных средств еще хоть немного ее улучшить. Главные усовершенствования касались печки. В любом отделении появлялся специалист, умеющий при помощи фольги, утащенной со стрельбища, и каких-то хитрых манипуляций добиться того, чтобы буржуйка перестала коптить. В самом жилище приходилось что-то подшивать, прибивать, подкручивать... Курсанты девятой роты пошли еще дальше – срезали где-то длинный кусок двужильного изолированного провода и от ближайшего столба подключили свет в крайнюю от леса палатку. От этой палатки подключили вторую, потом следующую.

Через некоторое время наш лагерь сиял в темноте, как Лас-Вегас. Несмотря на то, что провода были зарыты в землю, отсутствие световой маскировки позволило командованию батальона быстро вскрыть самовольное подключение и прекратить доступ курсантов к электроэнергии. Палаточный лагерь вновь стал соответствовать стандартам электробезопасности и маскировки. Наверное, если бы поблизости нашлись трубы, то наши Кулибины могли бы и водопровод в палатки проложить.

В отсутствие электричества для освещения внутреннего убранства использовались обычные парафиновые свечи. Но они тоже были небезопасны. Высушенный солнцем и ветром брезент воспламенялся как порох. Поставишь в угол палатки неаккуратно свечу – и вот он уже объят пламенем. Для того чтобы палатка сгорела полностью, в сухую погоду достаточно менее минуты. Жилье погорельцев отличалось от остальных латками, нашитыми поверх выгоревших дыр. До полного испепеления, кажется, ни разу не доходило.

Из других удобств – рядом с лагерем оборудован кирпичный туалет и организовано место для умывания. В морозную пору, когда вода замерзала, мы топили на печке снег в ведре и затем по очереди умывались. Ведро, также, как и лопата, пила и топор, полагалось каждому отделению. Без них в лесу не прожить.

Заготовкой дров занимались сразу же по приходе в лагерь. Пара человек в каждом отделении, пока остальные бла-

гоустроивали палатки, пилили и кололи дрова. Бревна для дров завозили организованно из лесничества. В противном случае мы бы весь лес в округе вырубili. Был однажды сбой в их заготовке: не то курсанты у лесника поленья стащили, или пилили лес не там, где положено. Одним словом, произошел конфликт, и нам перекрыли древесный трафик. Но без дров в лагере зимой жить невозможно, поэтому командование приняло вынужденное решение разобрать на дрова дачу Анны Снегиной – так мы ее тогда называли. Тут нужно немного пояснить, хоть мне и придется увести нить повествования, казалось бы, в другую сторону.

Места, о которых пойдет речь, являются есенинскими. Великий русский поэт Сергей Есенин родился в селе Константиново – это всего в нескольких километрах от нашего учебного центра. В селе есть два музея: реконструкция избы, где проживал поэт, и его дом-музей – бывшая усадьба местного помещика, в дочь которого он был влюблен в ранней молодости. О своей первой любви Есенин написал поэму «Анна Снегина». Прототипом главной героини как раз является Лидия Кашина – та самая дочь помещика.

Дача этого помещика, в отличие от его дома, находилась по другую сторону Оки, на территории, переданной впоследствии нашему учебному центру. Представляла она собой типичную барскую резиденцию тех лет с мезонином и пристройками. Перед загородным имением когда-то даже бил фонтан, остатки которого в дни нашей молодости еще можно

было найти в зарослях высокой травы. Какое-то время дача эта служила в качестве дома отдыха для офицерского состава, а затем, по старости, пришла в негодность. Стены ее были построены из бревен. Их-то и решили пустить на дрова.

Ответственное дело по разрушению объекта, возможно, имевшего историческую или культурную ценность, поручили курсантам нашего взвода. Я со своими товарищами, каюсь, принял в этом деянии непосредственное участие. Надо сказать, что раньше умели строить – на бревнах совершенно отсутствовали следы гниения или шашеля. Рассказывали, что столетние кирпичи от фундамента садоводы потом растащили себе на дачи. Кирпич, хоть и имел следы коррозии, но на каждом отчетливо просматривалось заводское клеймо. Был он очень крепким. Мы ради интереса и совершенно безрезультатно бросали один кирпич на другой с высоты человеческого роста – только звон слышался при ударе, даже трещин от соударения не возникало.

Разобрали мы это довольно большое двухэтажное строение втроем при помощи ломов, топоров и двуручных пил всего за несколько дней. Короче говоря, задачу по заготовке дров на этом этапе мы выполнили, а позже, видимо, и проблему с лесничеством как-то урегулировали.

Запас дров, как я уже писал, находился в каждой палатке. Размещался он справа от прохода. Концы поленьев из эстетических соображений выравнивались, чтобы одни из них не выпирали дальше других. Красота – это страшная сила!

В этом месте настоящие ценители прекрасного определенно меня поймут.

На первом курсе мы пытались таскать из котельной крупные куски угля, но потом отказались от этой затеи. Горит он, естественно, долго и температуру дает высокую, но сажи от него... Утром выходишь с голым торсом на умывание – голова черная, как у шахтера, а все, что ниже середины шеи, – как у Белоснежки. Про подворотничок даже и не говорю: он от копоты становился грязным моментально. Да! В лесу также ежедневно необходимо было подшивать воротник, бриться, чистить обувь, натирать до блеска ременную пряжку и все такое. Молодцеватый вид никто не отменял, как, впрочем, и утренний осмотр.

В палатках, как и в казарме, почти всегда был идеальный порядок. Полотенца, мыльно-рыльные принадлежности, рюкзаки, офицерские сумки и прочее – все лежало аккуратно и ровно, не нарушая симметрии. К заправке кроватей, конечно, предъявлялись не такие строгие требования, как в Рязани, но место нашего лежбища имело тоже вполне приличный вид. Кстати, одной из немногих привилегий, в отличие от городских квартир, была возможность днем сидеть на постелях. Табуретки ведь в палатках отсутствовали. Пользуясь этим послаблением, мы не только садились, но и ложились на постели, непременно свесив обутые ноги вниз, чтобы не испачкать одеяла. Повалиться вдоволь почти всегда не хватало времени. Если только несколько минут успеешь

прикорнуть перед обедом или ужином, но и за это – спасибо.

Время от времени командир роты устраивал конкурс на лучшую палатку. Для этого все вычищалось, подметалось, заправлялось, выравнивалось как никогда тщательно. Призов никаких не намечалось, только моральное удовлетворение для лидеров и порицание для аутсайдеров. Тем не менее, относились мы к этому состязанию вполне серьезно и даже с юношеским энтузиазмом.

Мой рассказ об учебном центре был бы неполным без упоминания о восхитительной природе, украшающей его со всех сторон. В любое время года она являет собой живописное зрелище, достойное полотен великих русских пейзажистов: разнотравье и многоголосие лета, буйство красок осени, белоснежное спокойствие зимы, чередующееся метелями, и всеобъемлющее пробуждение и дыхание природы весной. Мне никогда не приходилось наблюдать где-либо еще такого же разнообразия: темные хвойные леса соседствуют с белыми березовыми рощами, сосновым бором, перелесками, лугами, усыпанными полевыми цветами, разливами большой судоходной реки, рукавами малых рек и речушек, озерцами, прудами и болотами. Такое ощущение, что всю красоту матушки России выплеснули на сравнительно небольшую территорию, бессистемно перемешав, как листья различных пород деревьев в детском гербарии.

Жаль только, что тогда мы не замечали окружающего нас великолепия. Как-то не до того было. Сейчас же, стараясь

описать всю эту красоту, невольно ловишь себя на мысли, что пытаешься в вольной интерпретации своими словами рассказать о том, что давно уже воспето в стихах Есенина.

«Тот, кто видел хоть однажды

Этот край и эту гладь,

Тот почти березке каждой

Ножку рад поцеловать».

Ну как тут тягаться с поэтом? В общем, дело это заранее проигрышное, поэтому читайте первоисточник или собирайтесь в путь, чтобы увидеть все своими глазами. Лучше, конечно, и то, и другое.

Теперь, когда у вас уже сложилось понимание того, что собой представляет учебный центр и как в нем организовывался наш быт, полагаю, можно перейти к описанию самих полевых выходов.

Полевых выходов у нас было много. Почти каждый из них оставил о себе какие-то воспоминания. Но, наверное, самыми сложными и, в то же время, самыми запоминающимися для меня стали полевые выходы на лыжах.

В училище на стадионе под трибунами располагались лыжные базы. Все подразделения имели отдельные помещения для хранения зимнего инвентаря. При этом каждому курсанту выдавались персональные лыжи с клеймом, отображающим номер роты, взвода и порядковый номер курсанта в списке проверки. Эти лыжи мало чем походили на спортивные или любые другие, которые можно купить в магази-

не спорттоваров. Они – деревянные, достаточно тяжелые и с широкой поверхностью, позволяющей ходить не только по накатанной лыжне, но и по мягкому, рыхлому снегу. Крепления каждый устанавливал на них самостоятельно, регулируя их под свой размер ноги.

Выдали нам лыжи дня за два-три до первого лыжного перехода. До этого мы ими даже на занятиях ни разу не пользовались, а тут – сразу в поход. Некоторые из нас, в силу географии проживания на гражданке, были совсем далеки от зимних видов спорта. Умудренный опытом командир роты построил подразделение и скомандовал: «Группа «Юг», выйти из строя». Мы сразу поняли, что к чему. Перед строем стояли: Николай К. (Крым), Сергей Т. (Майкоп), Андрей Т. (Тбилиси) и я (Кубань; тогда никто не мог и подумать, что один из городов теплого Краснодарского края станет столицей зимней Олимпиады).

Получив для тренировки лыжи, группа «Юг» под руководством нашего командира взвода отправилась к спортгородку, обильно засыпанному накануне пушистым снегом. Стали ходить вокруг стадиона. Попробовали нарастить темп. Поупражнялись, может, час-полтора. Вроде бы стало чуть-чуть получаться. По крайней мере, нам на тот момент так казалось.

Настало время «Ч». Пеши выдвинулись из Рязани, в пригороде закрепили на сапоги лыжи и пошли уже на них. Впереди шел и накатывал лыжню Петя К. – перворазрядник по

лыжному спорту. Для него такой полевой выход был в радость, во всяком случае, лучше, чем в пешем порядке. Группа «Юг», состоящая из курсантов нашего и других взводов, быстро сбилась в конец колонны и плелась там обособленно под присмотром офицера замыкания. Устал я, кажется, уже после первых трех километров. От недавнего тренинга не осталось и следа. Ноги начали сбиваться с ритма. Из-за этого большая нагрузка легла на руки, так как я был вынужден мощнее отталкиваться лыжными палками. Казалось, что иду я уже часов пять. Голова мутилась, как в угаре. По сторонам даже не оглядывался, вся концентрация – на лыжне. Осмотревшись, понял, что до учебного центра еще ой как далеко, и на лыжах я до него точно не дойду. Ситуация казалась безвыходной. И тут рота неожиданно остановилась. Впереди виднелась грузовая машина, и курсанты, находившиеся в авангарде колонны, начали забрасывать свои лыжи в кузов. Когда дошла очередь до меня, я с таким удовольствием швырнул их через задний борт... Примерно так советские солдаты на параде Победы бросали под ноги знамена поверженной фашистской Германии.

Выяснилось, что преодолели мы около двадцати километров, то есть треть всего пути. Дальше пошли пешком. Получил сумасшедшее удовольствие, как будто ноги освободились от каторжных колодок. Настроение резко улучшилось. Нет, определенно, и во время полевого выхода можно испытать положительные эмоции, если грамотно его организо-

вать.

Конечно, я понимал, что это были только цветочки – ягодки будут на обратном пути. Пришлось обратиться к командиру роты, чтобы он разрешил мне продолжить тренировки в учебном центре. Получив согласие, я стал передвигаться на лыжах отдельно от подразделения, следовавшего в пешем порядке: в столовую, на занятия – куда угодно. Преподаватели, увидев меня в некотором удалении от строя, да еще на лыжах, удивлялись (единообразие в армии – это же святое). Приходилось объяснять, что действия мои санкционированы старшим командиром. Относились с пониманием.

Полпути в Рязань кое-как прошел. Дальше – сложнее. Кожаные ремни на креплениях размокли и стали съезжать на ахилловы сухожилия, растирая их до крови. Когда осталось идти километров десять-пятнадцать, на лыжах передвигаться я уже практически не мог, по крайней мере, в темпе всей роты. Оказалось, я не один такой. Опять собралась небольшая группа «Юг». Втроем нам разрешили идти пешком по трассе параллельно узкоколейке, вдоль которой двигался наш батальон. Лыжи с палками несли на плечах. Пока шли по дороге, к нам приставили офицера, кажется, из седьмой роты, с радиостанцией (мало ли что). Перед самым городом он оставил нас и вернулся в общий строй. К этому времени мы уже опередили не только нашу, но и седьмую роту, которая традиционно шла впереди колонны батальона.

Идя по окраинам города, решили зайти в продовольствен-

ный магазин, чтобы подкрепиться. Лыжи вымотали нас изрядно, да и как не воспользоваться такой возможностью? Скинулись деньгами – у кого сколько нашлось. Я отдал свой автомат товарищам, чтобы не смущать никого из гражданских, и зашел в магазин. Остальные от греха подальше укрылись в подворотне. Молодая продавщица в накрахмаленном колпаке все равно смотрела на меня круглыми глазами, как на привидение. Такого покупателя ей точно обслуживать еще не доводилось. Я – в зимнем обмундировании, обвешан со всех сторон амуницией и, самое главное, весь в пышном инее, как полярник: на шапке, на воротнике, на бровях и ресницах. Выбирать на прилавках особенно нечего было – все шло к закату развитого социализма, и я взял тульский пряник и трехлитровую жестяную банку томатного сока. Так себе сочетание, но пошло за первый сорт.

Поучительный опыт этого выхода привел нас к пониманию того, что выданные казенные крепления не очень подходят для наших нужд. Одной из главных проблем было то, что жесткий кожаный ремешок креплений при отрыве пятки от лыжи во время движения пережимал носок сапога. Доступ крови к пальцам ног ухудшался, и повышалась вероятность их обморожения. До ампутации пальцев в нашем батальоне дело не доходило, но обморожения до синих ногтей случались. Кто-то из старшекурсников посоветовал поверх портянки наматывать газету. Бумага хорошо впитывает влагу и, как термос, создает воздушную прослойку, останавли-

вающую холод. Позднее одна знакомая бабушка рассказывала мне, что они таким же образом спасали ноги от лютых морозов в годы войны, так как теплые вязаные носки старались отправить на фронт – там нужнее.

Опять же, старшие товарищи поделились с нами опытом изготовления креплений (handmade) из элементов подвесной системы парашюта. В роте тут же появилось несколько подвесных систем со списанных парашютов. Кроме них в ход шли некоторые металлические части старых креплений. Принялся за работу. Капроновую нитку вытащил из куска стропы. Найти большую цыганскую иглу не составило труда. Проявив максимум старания, сделал как научили. Остался доволен работой – все красиво и аккуратно. Нога помещалась в обхват из сложенных вдвое широких лент, регулировавших полноту при помощи красного шнурка – отрезка стропы управления. Со стороны пятки находилась лента поуже, позволяющая при помощи двух полуколец подогнать крепление под любой размер обуви. Синтетический материал лент не размокал в снегу, в отличие от кожи, и, главное, крепление можно было быстро регулировать как под кирзовый, так и фетровый сапог, да хоть под валенок. Добиться этого от старого крепления в полевых условиях практически невозможно – только перекручивать шурупы. Это было очень важным качеством, так как погода – девица капризная, и никогда не угадаешь, в какой обуви придется идти.

Припоминаю один из таких случаев. Вышли на построение

ние – моросит дождь, на плацу – лужи. С удивлением узнали, что берем с собой лыжи. Как тут комментировать? Родина прикажет – танки полетят. Водрузив инвентарь на плечо, несколько километров шли по дороге, в темноте разбивая ногами мутную серую воду. Про себя недовольно бурчали: «Зачем нам лыжи?». Вышли за черту города – дождя нет, лежит снег, хоть и мокрый. По полям, лесам движемся на лыжах, по дорожному покрытию – пешком. Идти нелегко: проселочная дорога разбитая и местами обледенелая. К тому же каждый нагружен, как верблюд: сверху на рюкзак приторочены шинель, фетровые сапоги, ОЗК и прочее, а тут еще лыжи тяжеленные тащить. Время от времени, поскользнувшись, теряешь равновесие. Но товарищи на чеку – всегда помогают остаться на ногах, а если и упал, то подадут руку. Передвижение по снегу в таких погодных условиях тоже приятной прогулкой не назовешь.

Не по всякому снегу идти одинаково легко. В этот раз он плотный, тяжелый и зернистый. Смазку с лыж сдирает, как наждачной бумагой, иногда – налипает. После таких выходов жизнь заставила разбираться в лыжных мазях: какие из них к какой погоде и к какому снегу лучше подходят. До этого лыжи просто свечкой натирали – дешево и сердито.

Самодельные крепления работали относительно хорошо в любую погоду. В полевых условиях можно было отметить лишь один их недостаток: так как ленты подвесной системы достаточно мягкие, нога в них жестко не фиксировалась. Ес-

ли оторвать ногу с лыжей от земли и плавно ее поворачивать, то сначала развернется ступня, и лишь потом – градусов через десять, с небольшой задержкой, – сама лыжа. Маневрировать не очень удобно, но когда скользишь по лыжне, это особо и не требуется. Совсем другое дело, если ты идешь во главе подразделения.

Еще одна проблема при ходьбе на лыжах заключалась в том, что движущаяся колонна сильно растягивается и ведет себя на пересеченной местности как гармошка: приходится то останавливаться и ждать, то, наоборот, бежать и догонять. По склону быстро спускаешься, на подъеме – медленно взбираешься. Пока наверх вскарабкался, идущие перед тобой уже ушли далеко. Такой рваный темп тоже выматывает. На первом курсе бывало: обессиленный и отставший курсант валился на снег, чтобы немного передохнуть, и мгновенно проваливался в сон. На этот случай имелось техническое замыкание, подбиравшее таких бедолаг, чтобы они не околели. Главное – разглядеть и не пропустить человека, припорошенного снегом.

Нелегкая участь доставалась курсантам, несшим на своем горбу радиостанцию Р-107. Она, мало того, что громоздкая – восемнадцать с половиной килограммов весит, так еще и ремни неудобные – врезаются в плечи. Такое ощущение, что ее не для своей армии спроектировали, а для вражеской. У нас во взводе на лыжных переходах ее уже упомянутый мной Петя К. часто таскал. Напомню, что шел он, как правило,

первым, пробивая лыжню всей роте – это вдвойне тяжело. Рюкзак радиста забирало его отделение – несли все по очереди. Зимой на нас было нагружено килограммов двадцать пять, а то и под тридцать. Мокрый снег таял на верхней одежде, также добавляя ей вес. Для полного счастья только «сто седьмой» не хватало. После одного из наиболее тяжелых выходов, сняв с себя обмундирование, я заметил, что моя теплая зимняя куртка на спине и даже прилегающая к ней часть рюкзака были пропитаны потом насквозь.

В суровые зимы, когда широкую судоходную Оку сковывал лютый мороз, можно было неплохо срезать путь, воспользовавшись ледяной переправой. Но так везло нечасто. Лед должен быть очень крепким – батальон все-таки идет. Для контроля толщины льда предварительно делались пропилы и замеры по всему проходу. Если все параметры соблюдены, значит, можно форсировать.

Помимо зимы, ходили мы на выходы и весной, и осенью, и летом – круглый год. Все выходы были разными – по времени, маршруту, дислокации лагеря и прочим параметрам. Каждый раз мы получали какой-то новый опыт и, если можно так сказать, применительно к нашим переходам, дорожные впечатления.

Однажды летом направились из Рязани в Сельцы. Жарища – градусов под тридцать. Это только в песне поется: «У природы нет плохой погоды». Стоит лишь преодолеть пешком, с полной выкладкой, пару десятков километров, чтобы

убедиться в обратном: холод, зной, осадки, порывистый ветер, распутица или глубокий снег затрудняют движение и отнимают силы. Конечно, не всегда стихия действовала против нас, бывали и исключения, но вспоминаются они мне с трудом.

Миновали примерно середину отведенного маршрута. Седьмая рота прошла левее, перекрывшей ей движение водной преграды. Наш командир решил срезать путь по дефиле – небольшому промежутку суши между двумя водоемами. Не знаю, чем он руководствовался: вряд ли заботился о том, чтобы снизить нам нагрузку. Скорее всего, хотел обогнать двигавшееся впереди подразделение. Вроде того, что: «Знай наших!».

Подошли к озерам. Оказалось, что дефиле существует только на карте. Видимо, его затопили проливные летние дожди. Возвращаться – значит потерять много времени и сил. Ротный отправил на разведку глубины заросшего камышами болотца нашего товарища из второго взвода – Дениса С. Он, не спеша, прощупывая ногами дно, прошел около половины расстояния до берега и, убедившись, что глубина уменьшается, крикнул в нашу сторону: «Тут немного выше колена!». Денис – ростом два метра с лишним. Все прикинули: где у него колено, у нас – совершенно другая часть тела. По команде разделись по пояс, автоматы и обувь – вверх, чтобы не замочить, и бодро зашли в водоем. Пока брели к берегу, откуда ни возьмись натянуло черные тучи: настолько

огромные, что стемнело, почти как ночью, даже птицы перестали петь. Настроение ухудшилось. Не успели вылезти из воды и выжать трусы – начался сильный дождь, а следом за ним град размером примерно с фасолину. Помню, что сильно било по ушам. Быстро отстегнул на кепке клапана, спасая подверженную климатической атаке часть организма.

Можно было лезть в воду, не раздеваясь, – все равно вымокли до нитки. После того как стихия чуть-чуть улеглась, стало намного холоднее. Температура воздуха резко снизилась – градусов до пятнадцати. Тело начал бить легкий озноб, словно от студенной крещенской купели. Не сказать, что легко, мы наконец добрались до места, отведенного под лагерь. Дождь и не собирался заканчиваться. Хорошо, что кто-то из офицеров додумался распорядиться по радиостанции, пока мы шли, установить палатку ПРС – большая такая палатка для ремонта самолетов. Чтобы хоть как-то согреться и переждать ливень, зашли в это возведенное для нас временное убежище всем батальоном – около трехсот человек. Стояли, прижатые друг к другу, как овцы в стаде. Над нами белым облаком стали подниматься испарения. Два человека упали в обморок от недостатка воздуха и резкого перепада температуры.

Дождавшись окончания дождя, дружно вышли из укрытия и, не мешкая ни минуты, приступили к установке лагеря из плащ-палаток. Трава мокрая – наступаешь на нее, аж чавкает под ногами. Нарвали из нее подстилку, уложили в толь-

ко что сооруженное жилье, сверху накрыли плащ-палатками. Они, несмотря на то что находились в рюкзаках в свернутом виде, тоже изрядно подмокли. Спать в до конца не просохшей одежде было холодновато. У меня в рюкзаке находился комплект новых портянок, припасенный на всякий случай. Они оказались очень кстати. Разделся и обмотал ими поясницу, чтобы от холодной земли почки не застудить. Утром все равно возникло такое ощущение, что почки изнутри прилипли к спине. Без портянок стало бы еще хуже.

Двигаться по подтопленному маршруту нам пришлось еще раз – на втором курсе, на майском полевом выходе. Один из участков пути проходил по лесной просеке, которая, как оказалось, была затоплена. Менять маршрут, конечно, не имело смысла. Пришлось разуваться, закатывать штаны и идти босиком в достаточно холодной, черной от разлагавшейся древесины воде несколько километров. Глубина на некоторых участках оказалась больше, чем предполагали. Ничего страшного – «слегка» намочили портки.

Фотография из статьи «Кому идти в десант», опубликованной в журнале «Советский воин»; специальные корреспонденты – майор Н. Иванов, И. Курашов (фото). Взято из личного архива автора

Когда вокруг тебя много воды, идти, конечно, тяжело, но еще хуже, если ее нет вовсе. Носимый курсантом запас жидкости – одна фляжка емкостью семьсот миллилитров. Это чуть больше, чем сто граммов (такая мера многим интуитивно понятнее) на каждые десять километров пути. В жаркую погоду воды катастрофически не хватало, а с жаждой бороться очень тяжело. Чтобы устоять перед соблазном смочить драгоценной влагой прилипающий к небу язык, нужно иметь крепкую волю.

Ротный зорко озирает строй и время от времени кричит: «Соблюдать питьевой режим!». Это значит – беречь, растягивать как можно дольше запас воды. В такие моменты мы завидовали спецназовцам, ходившим на полевых выходах небольшими группами и зачастую без офицерского сопровождения. Кто-то из наших командос мне рассказывал, что они могли не только жажду утолить из встретившихся на пути источников, но и позволить себе другие немислимые для нас вольности. К примеру, они как-то поймали отбившуюся курочку и зажарили ее на костре. Да и в учебный центр спецны, в отличие от нас, часто ездили на машинах. Ну, у них свои трудности.

Пополнять фляжку в пути нам категорически запрещалось. Вышел из строя – получил наряд вне очереди. Помню, на одном из выходов мы проходили мимо колодца. Пытавшихся вырваться из колонны за водой ротный тут же окриком вернул в строй. Выручил какой-то пацан, ехавший рядом на велосипеде. Быстро скинули ему на ходу несколько фляжек, чтобы он наполнил их. Немного рискованно было – вдруг не вернется. Паренек оказался честным. Все его от души благодарили. Однозначно, это ему зачтется на небесах как богоугодный поступок – напоил жаждущих. По паре глотков досталось каждому.

С большим уважением также отношусь к тем курсантам, которые, несмотря на испытываемую жажду, делились с товарищами остатками своей воды – дорогого стоит.

Передвигаясь по лесной песчаной дороге, можно из лужи, образовавшейся в колее, зачерпнуть воды кепкой – она более-менее чистая. Конечно, такое не рекомендуется, разве только в крайнем случае, если совсем невмоготу. Девятая рота, как-то, уже подходя к городу, прямо у Оки сделала привал, и народ, не удержавшись, напился речной воды. Многие потом подхватили диарею и пожалели о проявленной слабости. Зимой было проще: от жажды спасал снег. Схватишь его на ходу рукой и ешь. Часа через два от него, правда, во рту появлялся немного тошнотворный привкус, но все же лучше, чем обходиться без воды.

Еще одна проблема, с которой всем приходилось сталки-

ваться на выходах, — это натирание ног. Привалы, в принципе, и нужны не столько для отдыха, сколько для того, чтобы перемотать портянки. Неважно, сбились они или нет, главное — перевернуть их на сухую сторону, тогда меньше шансов получить водянку. Правда, вероятность этого уменьшалась с каждым годом. На пятках нарастали огромные мозоли размером с армейский жетон и толщиной миллиметра три. На курсантском сленге — «подковы». На мой взгляд — очень точное определение, которое, если вдуматься, не только о ногах, но и о курсантской жизни вообще. До поступления в училище я год проходил в кирзачах, но ничего подобного у меня и близко не было.

Помимо водянок и мозолей, страдали мы иногда недугом, называемым «сжечь подошвы». Такое случалось, когда значительную часть пути приходилось идти в сапогах по асфальтированной дороге. Поверхность жесткая, каблук тоже. Через некоторое время вся подошва начинала гореть так, как будто к ней приклеили горчичник. Один раз получил такое «удовольствие». Подобные же ощущения могла испытывать та часть тела, на которую курсанты обычно ищут приключения. Виной всему — наша, не побоюсь этого слова, национальная гордость — простые семейные трусы. Не знаю, по какой причине, но во время долгой ходьбы левая или, наоборот, правая их часть начинала скатываться в рулон и ползти вверх к самому центру, докрасна растирая промежность. Ощущения незабываемые. Хорошо, что и эта напасть

настигла меня лишь однажды. Хотя семейники, по сути, и все одинаковые, какие из них подведут на выходе, определить было невозможно. Этот вопрос, по-видимому, еще подлежит глубокому научному исследованию в недалеком будущем. «Противоядие» же было совсем незамысловатым: курсанты прихватывали края трусов с двух сторон к штанам несколькими стежками. Сделать это можно, не снимая брюк, прямо на привале. Благо, нитка с иголкой всегда под рукой.

Еще из неудобств: летом, то есть в то время, когда ты одет не в мягкую зимнюю куртку, лямки рюкзака достаточно сильно давили на плечи. Я, в частности, спасался от этого, подкладывая под них обычные солдатские трехпалые рукавицы, которые таскал с собой на выходы независимо от времени года. В случае чего их можно было использовать как хозяйственные при выполнении погрузочно-разгрузочных или строительных работ. От АКС, хоть он и не такой тяжелый, как рюкзак, через несколько часов начинала ныть шея или плечо. Приходилось постоянно перебрасывать его с одного положения в другое. Чтобы ремень автомата не сползал с плеча, вставлял в кармашек на правой лямке эрдэшки скрученную в рулон газету. Для чего служит этот кармашек, десантники знают, а остальным, извините, долго объяснять. Кстати, бумага в лесу тоже всегда могла пригодиться, например, для розжига огня или в гигиенических целях. Не конспекты же рвать! Но это все так – к слову – не самая большая проблема.

Короткие привалы (десять—пятнадцать минут) на выходах делались два, от силы, — три раза. Один из них использовался для приема пищи. Поступала команда: «Привал! Прием пищи слева от дороги, отправление естественных надобностей — справа», — или наоборот. Все нужно успеть: и отдохнуть, и поесть, и привести себя в порядок. Привал, с одной стороны, — это хорошо. Почему только с одной? Потому что после него крайне тяжело заставить себя физически и психологически встать на ноги. Тело становится неподъемным, суставы еле разгибаются. Иногда думал: «Лучше бы не останавливались». Относится это утверждение, конечно, в большей степени ко второй половине пути.

На очередном полевом выходе одна из рот нашего батальона, изнуренная высоким темпом движения и всевозможными попутными вводными, в полном составе отказалась подняться с привала и следовать дальше. В ходе марша отрабатываются различные тактические задачи, например: отражение атаки противника, разведывательные действия, преодоление зоны заражения отравляющими веществами и далее, как говорится, по списку. Зона заражения протяженностью в несколько километров пересекается с максимальной скоростью, то есть бегом, и с использованием средств защиты — ОЗК и противогаза. Иногда от командира поступала вводная о том, что ранен один из курсантов. Тогда из палок и плащ-палатки оперативно сооружались носилки, и четверо назначенных «счастливиц» несли на них условно ране-

ного товарища. Интенсивность всех этих мероприятий, как правило, зависела от командира роты.

В приведенном мной примере курсантов фактически лишили заслуженного отдыха. Не успело подразделение свалиться на грешную землю, как поступила команда: «Закончить привал!». Измотанная рота не смогла найти в себе сил, чтобы подняться. Ситуация, бесспорно, экстраординарная. Даже не знаю, с чем сравнить, какую привести аналогию – библейское падение ангелов? Командир роты, видимо, осознав, что перегиб с его стороны несомненно присутствует, разочарованно сказал: «П***ц, автопилот!» – и не стал дальше настаивать на выполнении команды. По сути, это тот случай, когда бессознательное взяло верх над сознательным. Люди настолько обессилели, что им было абсолютно все равно – хоть режь их. Больше такого не происходило никогда. Нет, подобные происшествия на первом курсе, конечно, имели место, но «бунт» осуществлялся одним курсантом, а не целым подразделением или группой лиц. После коротких уговоров отказавшегося идти отправляли в машину технического замыкания. Второго шанса таким уже не давали – неминуемое отчисление.

На старших курсах, особенно летом, когда ноша весит гораздо меньше, иногда вообще обходились без привалов. Есть необходимость портянку перемотать – вышел из строя, побыстрому привел себя в порядок и догоняй роту, пока она далеко не ушла.

Самым протяженным был полевой выход в сто десять километров. Шли три дня с двумя остановками на ночлег. Один день идти – это очень большая нагрузка, а каждый следующий – еще тяжелее. Запомнилось, что первый палаточный лагерь мы разместили у небольшого чистого озера, и комбат разрешил всем искупаться. Вода с потом и грязью смыла с нас почти всю усталость. Так просто сделать человека счастливым, хоть и ненадолго.

Был и самый быстрый выход – на четвертом курсе. Уже и не помню, зачем мы так торопились. Наверное, нам обещали, как придем, организовать увольнение в город. На дворе стояло теплое время года, поэтому шли почти налегке. Вышли ночью, чтобы не докучала жара. У нашего замкомвзвода, Коли К., откуда-то взялся метроном. Он выставил его на нужную частоту шага, и мы дружно потопали, слушая его ритм. Лично мне так идти было проще. Кому-то, наоборот, легче перемещаться бегом: пробежал вперед, а потом остановился отдыхать, пока подтянется подразделение. Почему-то в этот раз нам прощали такую вольность. Обычно движение осуществлялось строем в колонну по два или по три. В результате всю дистанцию мы преодолели, если мне не изменяет память, за семь с половиной часов. Передвижение – почти на грани между ходьбой и бегом. На тот момент это был второй результат в истории училища. Но, честно говоря, к рекорду мы и не стремились.

На выходах, как, впрочем, в любом достаточно сложном

коллективном деле, не обходилось без курьезов. На старших курсах в учебных целях практиковалось назначение курсантов на некоторое время командирами взводов. В этот раз в нашем взводе назначили Андрея Б. Андрюха сразу же принял напыщенный вид и деловым тоном то и дело давал нам «важные» указания. После одного из привалов новоявленный командир построил нас и, насупив брови, спросил: «Так, первый взвод, никто ничего не про***л?». Из строя послышалось: «А где твой автомат?». Оружия ни на плече, ни за спиной, ни на шее не было. Андрюха тут же рысью побежал к ближайшей от дороги опушке леса, которую посетил совсем недавно.

Дело обычное: курсант на выходе обвешан, как новогодняя елка игрушками. На ушах только ничего не висит. А нет, если кого-то назначают командиром, на ухе тоже может наушник радиостанции висеть, и еще на шее – бинокль. Когда на тебе столько всего, ты легко не замечаешь пропажу. Так случилось и с Андреем, когда он сходил по нужде в лесок, беспечно повесив автомат на сучок росшего рядом дерева. Хорошо, что бдительные товарищи сразу же заметили, а то бы всем батальоном пришлось прочесывать лесной массив. Аналогичная ситуация сложилась в другой роте и не на нашем курсе. Автомат, продолжая привал уже без своего хозяина, спокойно лежал недалеко от обочины проселочной дороги. Мимо ехал мужичок на телеге и заметил его. Пришлось лошаденку погонять, чтобы догнать подразделе-

ние и вручить пропажу, которую пока еще не заметили. Ответственные были люди!

Может, кто не знает, – за потерю вверенного оружия предусмотрена уголовная ответственность, так что относились к подобным инцидентам предельно серьезно. Не менее тяжким деянием является потеря топографической карты. Если, конечно, она не учебная. Такая неудача как-то настигла один из взводов нашей роты. Курсанты сдавали карты, полученные накануне для занятий. Секретчик (назначается в каждом взводе) при пересчете выявил, что одной из них не хватает. Так как все делалось впопыхах, то установить, кто конкретно не сдал свою карту, не удалось. Не скажу, что это явление было частым, но бывало. Утрата сравнительно быстро обнаруживалась по итогам тщательного осмотра амуниции. Возможно, кто-то затормозил и в запарке не в свой планшет или в рюкзак ее засунул. На сей раз не только личные, но и неоднократные командирские осмотры не смогли выявить пропажу. Приступили к прочесыванию леса в округе. Результата нет – ЧП! После доклада о происшествии командиру роты к поиску подключилось все подразделение – безрезультатно. Как сказал известный киноперсонаж: «Вечер перестал быть томным». Провинившийся взвод оставили ночевать в лесу, остальные до утра отправились в лагерь. Утром проблема каким-то образом решилась сама собой. Карту обнаружили свисающей с козырька над входом в штаб. Ее заботливо придавили кирпичом, чтобы она не улетела от

ветра. Куда же ее можно было засунуть, чтобы столько искать? Вопрос этот остался риторическим.

На этом, думаю, достаточно о плохом. Давайте страхнем с себя весь накопившийся негатив и вспомним о хорошем. Не все же о лишениях и трудностях? О развлечениях, конечно, речь не пойдет: мы же не в туристические походы ходили. Но дорога тем и хороша, что за любым поворотом может подстергать неожиданность, иногда даже приятная. Например, встреча с прекрасным полом. Она, несомненно, придавала нам сил, доставляла эстетическое удовольствие и отвлекала, по крайней мере, от обыденности. На одном из выходов наш путь проходил по окраине какого-то села вдоль огородов. Было уже очень тепло – поздняя весна или лето. Солнце ласкало все, до чего могло дотянуться. Купаясь в его лучах, стройная девушка в панаме и раздельном купальнике умело орудовала тяпкой на грядках слева от дороги. Сначала она нас не замечала, так как была повернута спиной к дороге. А потом, как это часто бывает, что-то заставило ее обернуться. От увиденного лицо ее залилось багрянцем смущения. Весь растянувшийся в колонне по два батальон шел с головами, повернутыми в сторону девушки, и сверлил ее взглядами. Кажется, даже шаг замедлился. Перед барышней стояла дилемма: отвернуться и вновь взяться за работу, находясь при этом в не совсем приличной позе, или же продолжать смотреть на нас, что тоже выглядело не очень этично. После небольшой паузы она нашла в себе силы продолжить работу.

Однажды мы сделали вынужденный привал на берегу Оки в ожидании парома. Большая часть маршрута была уже позади, осталось лишь переправиться через реку и пройти несколько километров до лагеря. Погода выдалась прекрасная, привал оказался долгим и поэтому особенно приятным. Мы лежали на мягкой весенней траве и от безделья разглядывали все, что попадалось нам на глаза. Рядом на склоне паслась на привязи деревенская лошаденка. Несколько наших неугомонных товарищей, вместо того чтобы наслаждаться отдыхом, решили сфотографироваться на ней верхом. Как же типичные горожане могли упустить такую возможность? Лошадь с привычной покорностью поддалась воле человека. Фотосессия началась. На наших глазах «рождался» новый род войск – десантная кавалерия, только шашек не хватает. Ни дать ни взять – правнуки Михал Семеныча Буденного! Глядя на бравых наездников, список желающих принять участие в фотосессии стал увеличиваться. Образовалась небольшая очередь. В глазах еще недавно беззаботно пасущегося животного появилась тоска. Хорошо, что паром наконец пришел, а то бы замучили бедную лошадку.

Каким образом еще можно себя развезать во время долгого и трудного пути? Конечно, – музыкой. Начиная со второго курса, нам разрешили брать с собой на полевые выходы радиоприемники – один на взвод. Идти стало веселее. Но не всякое музыкальное произведение навеивает радость, случается, что и грусть. И дело тут не в минорной тональности.

Практически на каждом выходе из динамика доносилась веселенькая песня: «Суббота есть суббота, и никаких хлопот». Или вот эта: «Окончена работа, опять пришла суббота, и нам с тобой охота кадрили потанцевать». Слушал их немного с грустью. У гражданских сейчас выходной, а у нас, наоборот, жесткий напряг. Ничего не поделаешь.

Помимо музыки на полевых выходах еще удавалось себя развлечь старым добрым кинематографом. В учебном центре находился клуб, в котором хоть и редко, но можно было посмотреть учебные или художественные фильмы. Даже на тех полевых выходах, когда мы жили за пределами учебного центра, нам привозили киноленты и проектор. Роль кинотеатра при этом выполняла, опять же, палатка ПРС, распахнутая с одной из сторон. Внутри ее вешали экран. Электричество подавал дизель-генератор, который относили подальше и ставили в предварительно выкопанную яму, чтобы шум от него был менее слышен. Зрители сидели вне палатки под открытым небом, как в летнем кинотеатре, только без скамеек – на траве. До сих пор помню некоторые из просмотренных фильмов: «Десять негритят», «Дорогая Елена Сергеевна», «Курьер». С удовольствием смотрели их всем батальоном, естественно, кроме тех, кто нес службу в наряде.

К обширной толпе со всей округи на пирушку слетались комары. Образованное ими противно гудящее облако висело над нашими головами на протяжении всего фильма. Однако мы тщательно готовились к их появлению. На полевой выход

каждый приобретал средство от насекомых – «Тайга» или «Дэта». В ход также шла марля, прикреплявшаяся к фуражке наподобие панамы пасечника. Но и этих мер было недостаточно: комарам все равно удавалось пролезть к открытым участкам тела и даже жалить через ткань. Чтобы отгонять их, каждый выламывал веточку и размахивал ею в течение всего просмотра. Издали казалось, что на ветру шумит невысокая роща. Людей в камуфляже за ветками практически не было видно. В конце полевого выхода мы разбирали палатку, еще недавно служившую нам кинотеатром. Брезент с деревянных стоек резко упал на землю и придавил полчища этих кровопийц. После того как мы развернули брезент, их можно было собирать целыми пригоршнями. Никогда больше не видел столькодохлых комаров. Видимо, они не собирались улетать и, в ожидании следующего сеанса, прятались в тени палатки от жгучего летнего солнца.

Вообще, нужно отметить, что в Рязанской области какие-то нереальные комары. Их очень много, почти как гнуса в тайге; они крупные и иногда бывают рыжего цвета. Помню, как на одном из выходов шел сильный, фактически ливневый, дождь, но комары все равно летали за нами в предвкушении теплой крови. Средства от них хватало ненадолго, так как оно постепенно смывалось с тела вместе с потом. Еще эти сволочи умудрялись впиваться в затылок сквозь коротко стриженные волосы. Место укуса, разъеденное потом, после этого сильно чесалось.

В палатках избавлялись от них очень просто. В консервной банке разжигали сосновые шишки и, как кадилом, окуривали все внутри. Затем очумевших комаров вместе с дымом выдували полотенцем и быстро, максимально плотно, закрывали палатку. Теперь нужно успеть заснуть, пока летучие гады вновь не проникли через щели, учуяв тепло человеческого тела.

Зато лягушкам в тех местах было раздолье. Водоемов много, а комаров на них вообще тьма. Летом, когда смеркалось, квакушки, досыта набив утробу, под управлением невидимого дирижера устраивали такие трели, что заглушали все вокруг. Успокаивались лишь под утро. Идешь умываться или стираться на водоем, а они сидят, даже не шелохнувшись, и смотрят на тебя с прищуром – ждут, пока ты их брызгами не разгонишь, – наглые амфибии.

И раз уж я коснулся темы живой природы, не могу обойти вниманием братьев наших меньших, в отличие от вышеперечисленных, скрасивших своим присутствием наше пребывание в Сельцах и за их пределами. На один из полевых выходов старшина седьмой роты привез в учебный центр собаку породы ньюфаундленд, или, по-другому, водолаз. Большая, красивая и умная собака, кличку которой я, к сожалению, не помню, органично влилась в наш дружный коллектив. Вред она наносила только один: на дворе стояла довольно жаркая погода, и он (это был пес) часто рыл себе ямы под сенью деревьев, чтобы хоть как-то охладиться. Деревья же

росли не только в лесу, но и на аллеях учебного центра. Нас такое незначительное нарушение ландшафта не очень волновало, тем более что пользы от пса было несравнимо больше. Дело тут вот в чем. Я не знаю, каким образом он отличал курсантов от офицеров. Одежду все носили одинаковую – камуфляж, погоны только разные. Но если к палаточному лагерю подходил кто-то из командного состава, не говоря уже о посторонних, по лесу раздавался громкий, мощный лай. Собака Баскервилей просто отдыхает! Слышно его было за версту.

Курсанты сразу же заметили избирательность нашего четвероногого друга и стали использовать ее в своих «корыстных» целях. Собаку ставили в наряд. Неофициально, конечно, – мы же не пограничники.

Перпендикулярно рядам палаток, фасадом к плацу, в лагере расположено длинное кирпичное здание с оружейными комнатами для каждого подразделения. Соответственно, от каждого наряда по роте для охраны своей оружейки назначался один дневальный. То есть всего за арсеналом присматривали трое дневальных. Охранять им было что. Иногда после ночных стрельб в оружейных комнатах складировалось столько неотстрелянных боеприпасов, что с их помощью реально было захватить небольшое островное государство.

Привлечение к несению службы пса, конечно, втайне от офицеров, позволило частично высвободить двух дневальных. Видел и чуял он лучше нас, и голос четче подавал. Ду-

маю, что и в рукопашной схватке с врагом он нам не уступил бы. Согласен, – не совсем удачное сравнение: руки у собаки, естественно, отсутствовали, – зато хватка была будь здоров! В общем, в результате такого смешанного состава наряда у настоящих дневальных стало намного больше времени для отдыха в ночное время. Да и собаке – развлечение. Ученые говорят, что именно так у первобытных людей возникли первые четвероногие друзья – для охраны жилья от врагов. Кстати говоря, наш питомец тоже успевал отсыпаться, но уже после наряда, спрятавшись от дневного зноя в тени ветвей.

Попозже появился у нашей роты свой «сын полка» – собачьего племени. Приблудилась к нам на третьем курсе одна дворняга. Типичный пес-барбос с белой в пятнах косматой шерстью, среднего размера и, несмотря на свою нелегкую бродяжью судьбу, очень жизнерадостный. Почему-то прилипла к нему кличка Вафлик. Что ее нам навеяло? Не знаю. Может, вафельное полотенце, которое выдавалось каждому курсанту, а может, наш пес вафельки любил?

Остается догадываться, чем ему понравилась именно наша рота среди многих других и как он отличал нас от прочих подразделений. Но именно с нами он ходил на полевые выходы. Что влекло его в столь дальний путь, было неизвестно, наверное, даже ему самому. В поход его никто не звал. Где-то уже за чертой города мы вдруг замечали слева или справа от колонны нашего Вафлика. Вместе идти было веселее и ему, и нам. Мы подбадривали пса, он реагировал на это, весело

вилая хвостом. Харчевался он, по-видимому, у курсантской столовой. Там всегда кто-нибудь что-то да подкинет. Думаю, он не голодал и отправлялся с нами в «круиз» явно не из-за еды, а по зову сердца.

Когда шли из леса обратно в Рязань, наш приятель опять – тут как тут. Однажды нам из учебного центра пришлось возвращаться на машинах. Иногда такое бывало в связи с какой-то срочной необходимостью. Не бросать же приятеля?! Затащили его в кузов. Вафлик до этого, видимо, никогда не катался на грузовиках, поэтому чуть-чуть обмочился от страха. Но уже через полчаса освоился, и прежняя жизнерадостность вернулась к нему. Настоящая десантная собака!

Второго августа, в День ВДВ, кто-то из курсантов смастерил Вафлику по размеру тельняшку. Он был совсем не против носить этот десантный атрибут и с удовольствием бегал по плацу, совершенно не пытаясь от него избавиться. Все училище в это время стояло в строю, ожидая генерала. Заместитель начальника училища, подполковник В., увидел происходящее безобразие и раздраженно крикнул: «Почему собака на плацу?». Несколько человек побежали ловить Вафлика. Он сначала с успехом увиливал от нападавших. Потом, сделав с гордым видом еще один круг почета, все-таки понял, что рано или поздно получит физическое «замечание», и быстро скрылся из виду. Дальше праздничные мероприятия пошли по утвержденному плану.

Глава 6. Прыжки

Прыжки с парашютом и подготовка к ним – неотъемлемая часть жизни курсанта-десантника. Первый прыжок мы осуществили в учебном центре уже в первый месяц учебы. Недели две изучали парашюты (основной – Д-6 и запасной – З-5), страхующие приборы (ППК-У и АД-З-УД), а также этапы укладки, действия парашютиста перед прыжком, на борту самолета, в воздухе и при приземлении. Полдня почти ежедневно отводилось на укладку парашютов. Для этого курсантов разбивали по парам. Купола укладывали, затем распускали, и все начинали заново. После полученной накануне изрядной порции физической нагрузки такое времяпрепровождение казалось отдыхом.

Практические действия отрабатывались на предпрыжковой подготовке. В нее входили упражнения на трамплинах, стапелях, макете самолета и дорожке для укрепления голеностопов. Вся эта утварь и многое другое находилось в учебном центре на воздушно-десантном комплексе (ВДК). Кстати говоря, за время учебы я ни разу не прыгал с парашютной вышки. Не могу сказать почему: потому что не попал на это мероприятие или потому, что его вообще не проводили. На лопинг – специальный снаряд, похожий на качели, позволяющий осуществлять вращение в двух плоскостях, как и

на гимнастическое колесо, — нас тоже никогда не загоняли. Массовые их использование я видел только в документальных фильмах. Многие, в том числе и я, сами пробовали покрутиться на этих тренажерах, полезных для развития координации и вестибулярного аппарата. Но это так — ради интереса или чтобы сфотографироваться и затем побравировать своей удачей во время очередного отпуска дома.

Процесс предпрыжковой подготовки, дабы излишне не утруждать читателей, описывать не буду. Причастные к прыжкам его вряд ли забыли, а остальные могут почерпнуть сведения о нем в доступных источниках. Для вторых скажу только, что предпрыжковая подготовка, особенно для молодого бойца, — физически довольно утомительное занятие.

Наконец, мы освоили и отработали все необходимое, чтобы жизнь для тех из нас, кто прыгал впервые, смогла разделиться на «до» и «после». Долго ждать не пришлось. На первый прыжок роту подняли рано утром — было еще совсем темно. На небесном своде ярко мерцали звезды, наблюдавшие сверху за нашей земной суетой. Скоро мы станем немного ближе к ним, пусть и на время. Погода стояла почти безветренная — это нам на руку. Одетые в десантные комбинезоны и шлемы, со стропорезами в руках, отправились на склад. Получили на складе парашютные сумки с парашютами (вес одного комплекта — шестнадцать с половиной килограммов). Каждый внимательно, насколько это возможно при тусклом свете, проверил на своей сумке оттиск печати, вдавленной

в пластилин. Если он нарушен – твой прыжок отменяется. Вряд ли кто-то из нас желал для себя такой участи. На этот раз, впрочем, как и во все последующие, все было в норме. Погрузили баулы за спину, как рюкзаки, и стройными рядами потопали на аэродром. До него километра полтора – полезная разминка перед прыжком. Особо «удачливым» пришлось нести две сумки – за себя и еще за кого-то из офицеров батальона. Визуально они отличались от остальных, как двугорбые верблюды от одногорбых. Нелегкая ноша давила на спину, из-за чего курсанты, подобно кораблям пустыни, при ходьбе сгибали шеи к земле.

К слову, как-то наш незабвенный сержант Александр Г. поспорил, что он один дотащит парашюты всего отделения – десять комплектов – со склада на площадку ВДК. Расстояние – метров пятьсот. Как потом оказалось, самое трудное было – навесить все сумки на Саню. Некоторые из них упорно не хотели держаться и съезжали с его могучего (без преувеличения) торса. Издали он стал похож на небольшую гроздь очень крупного, но пока еще зеленого винограда. Несмотря на возникшие трудности, все парашюты были перемещены из пункта А в пункт Б. Спор Саня выиграл безоговорочно. Награда за победу не предполагалась – просто спортивный интерес. Это был не последний «подвиг Геракла». Его почему-то тянуло к подобным рекордам. Жаль только, что рубрики «А вам слабо!», как, впрочем, и самой позднее ставшей популярной телепередачи, еще не существовало. Хотя, сни-

мать тоже не на что было (плёночные фотоаппараты – не в счёт).

Но вернемся к временно прерванной цепочке повествования. Первый прыжок все-таки – он навсегда уже останется первым, как первая любовь, и поэтому достоин особого внимания. Вопреки ожиданиям, не скажу, что он особенно врезался в мою память. Запомнились лишь отдельные моменты и какие-то детали.

Пришли на полевой аэродром. Слева от него, у леса, нашёл себе место для отдыха заслуженный «пенсионер» Ан-12. На взлётной полосе маневрировали «кукурузники» – Ан-2. Именно с этой машины мы должны совершить столь важный для нас прыжок. Уже светало. Одновременно с зарей по земле прокатилась утренняя свежесть. Пока солнце не сменило свой ярко-красный цвет на золотой, было довольно прохладно. Десантный комбинезон, надетый, если не считать трусов и тельняшки, на голое тело, уже успевшее остыть от небольшого перехода, грел не очень. Быстро прошли все линии осмотра и ждали своей очереди на посадку в самолет. Успели даже сфотографироваться.

Наконец, дождавшись заветной команды, направились по взлётной полосе к Ан-2 с фюзеляжем защитного цвета и большой красной звездой на киле. Выпускающий, стоявший у дюралевого трапа, привычным движением правой руки подсаживал каждого, взбирающегося в салон. Вот мы и на борту.

В своей корабельной группе я оказался первым. Может, это и лучше. Бояться нельзя – за твоей спиной товарищи, все смотрят на тебя. Полет длился несколько минут. По сигналу встал, приготовился к отделению и ждал команду выпускающего: «Пошел!». Казалось, что ее долго нет. От ожидания сердце томилось и отдавало странным размытым ощущением в левом подреберье. Зато появилось время, чтобы через открытый дверной проем самолета разглядеть землю. Высота почему-то не пугала. Внизу все казалось каким-то ненастоящим, игрушечным, похожим на умело сделанный макет местности. Красиво: зеленые пятна леса, расплзшиеся по земле, ровные прямоугольники полей, плавные изгибы дорог! Но созерцание этого великолепия не отвлекало от главного – предстоящего события. Мысли в голове возникали примерно такие: «Чему быть – того не миновать!» или: «Помирать – так помирать!». Возникло желание поскорее выпрыгнуть, пересечь этот рубеж – не столько физический, очерченный бортом самолета, сколько психологический.

Как прошло само отделение, не очень помню. Скорее всего, вывалился, как мешок. А вот приземление прекрасно отпечаталось в памяти. Я забыл вытащить стропы управления (их слабина заправляется под резиновыми шлевками на свободных концах парашюта). Пока разобрался, где на земле стрелка, указывающая направление ветра, подруливать стропами управления уже было поздно. Пришлось, как тренировались на стапелях, сложив руки крест-накрест, развер-

нуть тело по ветру с помощью лямок парашюта. Но как только ноги коснулись земли, я почему-то бросил лямки, и подвесная система начала раскручивать меня в обратную сторону. Словом, при приземлении ударился головой. Возможно, поэтому десантники шутят, что лишний удар о землю ума не прибавляет. К счастью, прыгали на сравнительно мягкую площадку приземления Житово, представлявшую собой скошенное пшеничное поле, да и шлем вполне надежно защищал голову. Вот таким был мой первый не совсем удачный опыт парашютиста.

Состояние перед первым прыжком и во время него, очевидно, у всех разное. Многое зависит от характера человека, его жизненного опыта и еще Бог знает от чего. Все очень субъективно. У кого-то становятся ватными ноги, а у иных голова, словно в тумане. Однажды видел, как во время первого прыжка приземлялись африканцы, обучавшиеся на спецфакультете. Некоторые из них, в состоянии эйфории, кричали, пели, размахивали ногами и, забыв свести их перед приземлением, шлепались о матушку-землю пятой точкой, подсакивая от сильного удара.

Говорят, что чаще запоминается второй прыжок, так как делаешь ты его уже более осознанно. И страх появляется уже осознанный, а не такой, как в первый раз – от неизведанного.

Не помню, второй или третий прыжок мы уже осуществляли с рюкзаком (РД-54) и личным оружием – автоматом, ручным пулеметом, гранатометом – у кого что. Оружие по-

мешалось в чехол и определенным образом швартовалось к десантнику. Прыжки с оружием по-боевому – без чехла – происходили гораздо позже.

Опишу один эксцесс, произошедший со мной в этот период. В нашу корабельную группу поставили прапорщика Вячеслава Ш., учившегося в другом взводе. Слава был килограммов на десять-пятнадцать легче меня (я – под восемьдесят), но стал во главе нашей группы. В чем тут проблема? Сейчас поясню. Перед прыжком десантники ранжируются для посадки в самолет не по росту, как в строю, а по весу. Как говорят в ВДВ: «Становись по ранжиру – по весу, по жиру». Это делается для того, чтобы тяжелый парашютист не догнал в воздухе выпрыгнувшего перед ним более легкого товарища. Что может случиться, вы, думаю, догадываетесь.

В общем, я корректно сообщил более опытному в делах десантирования прапорщику, отслужившему уже не один год в ВДВ, о своих физических параметрах, хотя это и так было видно невооруженным глазом. На мое замечание тот ответил: «Зато я старше по званию». Противоречить ему я не стал. Впоследствии это отклонение от правила чуть не привело к катастрофе.

Пришлось прыгать вторым. Как только купол раскрылся, я быстро спрятал звено ручного раскрытия в карман на подвесной системе и начал осматриваться. Поднял голову к небу – все в норме. Посмотрел по сторонам, затем вниз. Буквально в метре от своих ног я обнаружил чей-то купол. Через по-

люсное отверстие на нем я различил лицо все того же прапорщика, осматривавшегося после раскрытия основного парашюта. Тут же (согласно инструкции) я стал кричать, сообщая, какие концы подвесной системы ему следует тянуть, чтобы разойтись со мной в воздухе. За это короткое время я уже начал постепенно погружаться в находящееся под мной полотно, и мне пришлось поджать ноги, чтобы его не смять. Разойтись сразу не получилось. Парашюты отказывались нам повиноваться. Но вдруг, в последние мгновения, словно друзья, пожавшие друг другу руки, расцепились и отправились восвояси. Если бы этого не случилось, мой купол непременно бы погас, так как под ним образовалась мертвая зона, и я бы, будто чугунная гиря в перину, погрузился в купол Славы. Ввести в действие в таком положении запасной парашют нам обоим было бы очень сложно, да и времени уже практически не оставалось. К нашему счастью, все благополучно обошлось.

Вячеслав, едва приземлившись, подбежал ко мне с округлившимися от возбуждения глазами. Он, видимо, при снижении упустил меня из виду и не знал, чем для меня закончился прыжок. Убедившись, что со мной все в порядке, Слава наконец успокоился.

Надеюсь, эта история будет хоть для кого-то поучительной. В воздухе нет ни младших, ни старших, и законы физики для всех одинаковы!

Следующим знаковым для всех нас стал прыжок с во-

енно-транспортного самолета Ил-76. Он был четвертым по счету и запомнился мне, наверное, больше, чем все остальные. Предпрыжковая подготовка, помимо прочего, теперь включала в себя отработку отделения и приземления на высотном тренажере УТП-76. Он действительно соответствует своему названию – высотный, и прыгать с него в первый раз было... ну, скажем так, казалось небезопасным. Десантник за свободные концы макета парашюта подсоединяется карабинами к специальной каретке, которая роликами входит в направляющую тренажера. По ее пологой траектории он стремительно скользит к земле. Все это сопровождается сильным грохотом трущихся друг о друга металлических частей. Приземление достаточно жесткое, поэтому место для него засыпано песком. Кроме этого, чтобы приземляющийся не зарылся в буквальном смысле носом в песок, два человека – страхующие – перегораживают траекторию его движения широкой лентой. Кто-то, с присущим десантникам черным юмором, мило назвал эту ленту «труполоулавливателем».

Настал день «Д». На аэродром, на этот раз – Дягилево, приехали очень рано, по крайней мере раньше, чем обычно для прыжков с Ан-2. В крошечной темноте самого аэродрома еще не было видно. Следом подъехали бортовые «Уралы» с погруженными в открытые кузова парашютными сумками. Под светом фар занялись их разгрузкой. Каждый нашел по номеру свой комплект парашютов, извлек их из сумки, сложив ее затем прямоугольником и поместив под ре-

зинки запаски с тыльной стороны. Ровными рядами выставили на укладочные полотнища парашюты в козлы, оперев их друг о друга таким образом, чтобы они не упали. Дальше пришлось долго ждать, пока появились члены экипажа, провели все необходимые перед полетом процедуры и прогрели двигатели. Все это, по нашим десантным меркам, они проделали не спеша, я бы даже сказал: «по-граждански обыденно». Длительное ожидание еще больше добавляло тревожности в душе. Наконец, мы прошли все этапы проверки и на рассвете направились к крылатой машине. Уже при подходе к самолету я почувствовал, что меня трясет неуловимый, незаметный постороннему взгляду, какой-то внутренний озноб. При этом температура воздуха была вполне оптимальная. Предыдущие прыжки не вызвали во мне такого волнения. Очень впечатляюще выглядел огромный самолет, раскрывший для нас свое посеченное шпангоутами чрево, начиненное различным оборудованием, назначение которого мне было пока непонятно.

До этого я летал только на гражданских комфортабельных самолетах с красивой внутренней обшивкой и мягкими сиденьями. Здесь все было иначе – очень аскетично, но при этом функционально. Разбег, взлет, полет также казались не такими, как на гражданских лайнерах. Совершенно другие ощущения. Думаю, что пассажиры парусного фрегата «Авраам Линкольн», попавшие на «Наутилус», вряд ли были ошарашены больше, чем я, впервые увидев перед собой

грозную машину. Недаром же поется: «И грозный самолет – наш отчий дом». Скорость Ил-76 при десантировании составляет от двухсот шестидесяти до четырехсот километров в час. Несмотря на высокую скорость в первые секунды стабилизированного снижения, когда купол еще не начал выходить из ранца, кажется, что время почти остановилось и самолет медленно проплывает над головой. Ощущения были удивительными. Затем – мощный рывок за спиной, как будто рука неведомого великана схватила и резко дернула за шиворот. И через секунду воздух с шумом наполнил купол. Парашют сработал штатно, приземление прошло успешно.

К прыжкам с Ила мы относились очень ответственно, так как сложность их гораздо выше, чем с Ан-2, соответственно, и риски другие. Но не всегда они проходили гладко.

Однажды, это было снежной зимой, при десантировании с Ила несколько человек нашего батальона (с десятков, а может, и больше) приземлились на лес. То ли имела место ошибка штурмана, то ли направление ветра резко изменилось – неизвестно. Ваш покорный слуга оказался в числе этих «счастливицков». Осознание того, что я лечу на опушку леса, пришло практически сразу, и мне пришлось прилагать максимум усилий, чтобы отвести себя от деревьев. Не дотянув буквально метров десять, влетел в березу. Как положено, закрыл лицо предплечьями от веток. Обошлось без царапин. Береза имела два ствола, расходящихся от земли, и я «удачно» накрыл куполом обе ее кроны, а сам пролетел между

ними. Вишу, как Буратино в подвале у Карабаса-Барабаса. До земли, а точнее, до снежного покрова, оставалось всего сантиметров двадцать. Попытался отстегнуть один ножной обхват, подтянувшись и держась свободной рукой за подвесную систему. Не могу – мешают утепленные штаны, в которые врезались карабины обхватов. Отстегнул запаску и попытался аккуратно сбросить ее себе под ноги. Получилось. Сверху кинул теплые десантные рукавицы из овчины. Оперся на эту конструкцию носком одной ноги и, пока она сильно не вдавилась в снег, успел отстегнуть левый ножной обхват. Дальше уже было проще.

К тому времени, когда я полностью освободился, подбежал парень из наряда по площадке приземления. Оценили ситуацию, синхронно задрав головы кверху. Пилить два здоровенных ствола? Бензопилы не было – к ночи, может, управимся. Пробовали залезть, сняв для удобства куртки, – дальше половины дерева не получается, не за что хвататься. К тому же фетровые сапоги – не самая лучшая обувь для таких занятий. Не очень веря в успех, попытались, стоя на земле, вдвоем стащить купол с крон. Стропы тянулись, как резина. К счастью, ветки гнулись хорошо, время от времени потрескивая и сыпля на нас в отместку всякой шелухой. Помучились минут десять, и все получилось. На следующей укладке тщательно осмотрел все части парашюта. Повреждений не было, если не считать оторванной с одной стороны стропы управления.

На зимних прыжках довольно часто происходили различные инциденты. Помню, как десятка полтора курсантов получили травмы при приземлении из-за неожиданно налетевшего сильного ветра. Многие расцарапали лица о наст. У купола парашюта большая парусность, и во время ветра он несет своего «пассажира», волоча по земле, как лошадь, пущенная галопом, привязанного к ней арканом человека. Примерно так, как это показывают в фильмах о Диком Западе. Самому остановить этот процесс очень трудно, если, конечно, на вашем парашюте нет звена расчековки подвесной системы, как, например, на Д-6 серии 4. Оно позволяет отцепить подвесную систему от купола с одной из сторон, и в результате этого тот гаснет сам собой. Но у нас в батальоне таких парашютов было мало. Безусловно, курсанты всегда проявляют солидарность и помогают погасить купол товарищу. Действовать тут нужно быстро: подбежать к куполу, поймать его за звено стабилизирующего парашюта и оттащить в сторону, противоположную направлению ветра. Эта задача представляется достаточно трудной даже летом, а уж тем более зимой, когда приходится бегать в теплой обуви по глубокому снегу.

Бывали в зимнюю пору в нашем батальоне и другие случаи, заслуживающие внимания. Проводились очередные прыжки с Ил-76. Я уже успешно приземлился, упаковывал купол в парашютную сумку и собирался направиться в пункт сбора. В этот момент над моей головой, чуть впереди, с ха-

рактерным гулом пролетал очередной борт. Автоматически посмотрел вверх, чтобы еще раз полюбоваться этой незабываемой картиной. Только что началось отделение десантников от самолета. Раскрывающиеся купола оставляли за ним две белоснежные пунктирные дорожки. И вдруг я с подошедшим ко мне сокурсником заметили, что купол одного из десантников долго не раскрывается, и он камнем летит вниз, опережая товарищей, покинувших крылатую машину гораздо раньше него. Мешкать в такой ситуации нельзя. Те, кто был ближе, побежали к предполагаемому месту падения, надеясь поймать попавшего в беду парашютиста в растянутый укладочный стол (длинное матерчатое полотнище). Так как мы были слишком далеко, нам ничего не оставалось, как молча наблюдать за грозящей страшным исходом картиной. Напряжение нарастало с каждой секундой. До земли оставалось, может, метров двести, и купол наконец-то раскрылся. Как будто камень с сердца свалился.

Как потом выяснилось, курсант второго взвода нашей роты Николай Г. решил не открывать парашют вручную, а ждал, пока сработает страхующий прибор. Манеру эту он перенес, кажется, из Тульской дивизии, в которой служил срочку до поступления в училище. Смысл этой затеи был вот в чем. Некоторые молодые, неопытные бойцы дергали звено ручного раскрытия раньше, чем следовало, так как при отсчете времени (многие, наверное, слышали: «501, 502, 503») условные часы в голове у каждого тикают по-разному. И дело

тут не в теории относительности, а в индивидуальных психологических качествах и небогатом опыте прыжков. Значительное нарушение интервала отделения (должен быть 0,7 секунды) повышает риск схождения парашютистов в воздухе. В общем, парни, как и герой этой истории, чтобы обеспечить нужный интервал времени, стали открывать ранец основного парашюта не вручную, как это положено, а страхующим прибором, который срабатывал автоматически ровно в установленное время.

Но на этот раз прибор не сработал. В нем, по-видимому, из-за разницы температур образовался, а затем замерз конденсат. Лед и нарушил работу прибора. При этом надо отдать должное нашему товарищу, не растерявшемуся в такой сложной ситуации, сохранившему хладнокровие и сумевшему ввести в действие основной парашют. И я пишу это не для красного словца. Действительно, когда к Николаю подбежали наши, возбужденные от увиденного, сокурсники, он казался абсолютно спокойным и, в отличие от них, вообще не выражал никаких эмоций. Вот такой характер и уверенность в себе!

Еще вполне частым явлением на прыжках и, как правило, зимой, была утеря обуви – сапог или валенок. Валенки, конечно, подвязывались через прорези лентой к голенищу, а на сапогах для регулировки имелаась шнуровка – маленький предмет гордости всех десантников, так как такой «апгрейд» был только в ВДВ и спецназе. Тем не менее, время от време-

ни, несмотря на принятые меры, у некоторых обувь все же слетала и планировала, вращаясь как бумеранг, издавая при этом резкий свист. Зимой такому недотепе, чтобы не отморозить ногу, приходилось подвязывать к ней свою шапку. А идти до пункта сбора порой далеко: целую версту, а может и более – площадка приземления размером два на пять километров. Тут надобно выбирать: или уши, или нога.

Очень странную ситуацию мне пришлось наблюдать во время стажировки в Пскове. Я как раз находился в наряде на площадке приземления и заметил, что один из солдат (курсанты тогда не прыгали) летит вниз головой. Купол при этом работал исправно. Причина такого странного положения парашютиста была в том, что он каким-то образом, получив вращение из-за турбулентности воздуха в первые секунды прыжка, зацепился ногой за одну или несколько строп. Удар о землю при приземлении достаточно сильный, и поэтому он мог привести к переломам костей черепа или позвоночника. Мы немедленно схватили укладочный стол и побежали ловить им незадачливого солдата. Шансы поймать его таким способом невелики, но они все-таки есть. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы наш боец буквально метров за пятнадцать от земли не отцепил ногу и не принял правильное положение тела.

На нашем курсе был случай, когда курсант, если не ошибаюсь, из девятой роты влетел в стропы товарищу. Первой, как обычно, прыгала седьмая рота, а затем наша и следом –

девятая. Так как мы к этому времени приземлились и уже собрались в пункте сбора, нашей компании довелось с земли наблюдать развернувшуюся в небе картину. К счастью, оба купола работали нормально. Ребята сцепились друг с другом руками и держались так до самого приземления. Действовали они строго согласно инструкции, поэтому все и обошлось. После окончания прыжков комбат тут же построил батальон и выступил с пламенной речью, в ярких красках описывая произошедшее. Честно говоря, я так и не понял: хвалил он их или ругал? Помню только, что породнившиеся таким образом курсанты стояли перед строем с улыбками до ушей. Вот народ, – минуту назад был, возможно, на краю гибели, а сейчас настроение – лучше не бывает. Все хорошо, что хорошо кончается.

Наиболее сложными и опасными считаются прыжки в ночное время, а также с малых высот. Было дело – мне пришлось одновременно испытать и то, и другое. Прыгали в Сельцах, правда, с Ан-2, но это никак не умаляет сложности прыжка. Высота полета – четыреста пятьдесят метров (обычно: восемьсот – тысяча двести). В салоне самолета над световыми сигналами находится высотомер, и у меня, так как я сидел к нему близко, была возможность наблюдать за движением стрелки прибора. Выпрыгнул за борт – темно, хоть глаз выколи. Пока огляделся, нашел стрелу, выложенную из огней; смочив палец во рту, по-морскому определил направление ветра, развернулся по ветру – уже земля. Толком в

небе побывать не успел. В целом – довольно экстремально. А курсантам девятой роты нашего батальона приходилось десантироваться с Ил-76 с высоты, достаточно близкой к ста метрам, – минимальная высота для прыжков с парашютом. Ввести в таких условиях в действие запасной парашют практически невозможно. Происходило это в День ВДВ на показательных выступлениях в Тушине. Все прошло в штатном режиме. Это пример высочайшего класса как работы летчиков, так и парашютистов.

Отдельно хочу отметить свой тринадцатый прыжок. Не потому, что цифра – «чертова дюжина», и не из-за того, что запомнился он лучше или был сложнее остальных. Рядовой прыжок с Ан-2. Если честно, самого прыжка я вообще не помню. Он памятен лишь тем, что меня в первый раз назначили выпускающим. Это было неожиданно, так как в нашем взводе учились ребята, у которых прыжков к тому времени насчитывалось в разы больше, чем у моей скромной персоны. Я, осознавая возложенную на меня высокую ответственность и в то же время робко надеясь на замену, поинтересовался у командира роты: «Почему назначили именно меня? Я же не самый опытный». Он ответил, что готовность к исполнению обязанностей выпускающего зависит не только от количества прыжков. Ну, надо – так надо. Спасибо за доверие. Волновался, конечно, как перед первым прыжком. До этого выпускающими у нас назначались только офицеры и прапорщики.

Обязанностей у выпускающего не так уж много, и они не очень сложны, зато от его действий во многом зависит благополучный исход прыжка. Именно он контролирует зацепление карабинов к тросу самолета и выпускает парашютистов за борт, соблюдая установленный интервал отделения. Если карабин не пристегнут, то основной парашют не раскроется, а запасной еще нужно уметь ввести в действие. Это далеко не так просто, как кажется. При несоблюдении интервала в воздухе могут произойти схождения парашютистов или, наоборот, кого-то вынесет за пределы площадки приземления. Да и в салоне самолета могут произойти нештатные ситуации. Например, кто-то споткнется или замешкается. Критически важно уметь быстро принимать решения и действовать хладнокровно и решительно.

Я помню, как мои товарищи очень внимательно наблюдали за моими действиями на борту. При этом в их глазах читалось доверие и, в то же время, забота о том, чтобы я все сделал правильно. Каждый, вероятно, в этот момент мысленно ставил себя на мое место.

Несколько позже мне посчастливилось выполнять обязанности выпускающего на Ил-76. Это, наверное, еще более ответственное дело, так как в самолете находится больше ста человек и скорости совсем иные. При этом имеется и другая специфика. В конечном счете, думаю, что каждый из нас за время учебы хотя бы раз побывал выпускающим.

Еще мне хорошо запомнился один прыжок на третьем

курсе во время учений в Белоруссии. Мы прыгали с Ила. Это был тот редкий случай, когда десантирование осуществлялось вместе с техникой. Сначала из самолета по очереди вышли боевые машины, десантируемые на многокупольных системах (МКС). Из-за резкого изменения полетной массы воздушное судно сильно болтало. Было немного не по себе. Затем через двери в два потока корабль покинул десант. В воздухе и уже на земле мы наблюдали, как приземляются БМД, только что нырнувшие через рампу за борт. Это очень красивое и величественное зрелище, которое, подобно северному сиянию, вряд ли можно описать словами. Видео также не сумеет отразить масштабность происходящего. Перед твоими глазами на фоне нежно-голубого небосвода расцветают громадные букеты белоснежных куполов и, буквально через пару минут, не успев как следует насладиться своим величием, плавно увядают, едва коснувшись земли.

Из разряда необычных вспоминается мне еще один зимний прыжок. Небо в тот день радовало глаз нежно-лазурным цветом, но солнце время от времени прикрывали белые, лениво плывущие облака. Ветер почти утих. Совершенно неожиданно, как будто ниоткуда, пошел снег. То есть, когда мы садились в самолет, на него не было даже намека, а вот после отделения и раскрытия купола я увидел вокруг себя пышные, крупные хлопья снега. Удивительным казалось то, что летели они снизу вверх. Нет, это не было уникальным природным явлением, просто скорость моего снижения ока-

залась выше, чем скорость падающих снежинок, – отсюда такая странная иллюзия. В этот момент вспомнился очень поэтичный отрывок из одной песни, которую мы часто исполняли: «Уходит в бой ночной «крылатая пехота», все звезды, собирая в купола». Только на этот раз купола собирали снежинки.

Не могу также умолчать о таком, без преувеличения, фееричном мероприятии, как прыжки на воду. Настоящий экстрим. В воздушно-десантных войсках массово они проводились только в училище. Учебный процесс на третьем курсе в целом был в значительной степени посвящен воде. Он включал в себя изучение действий подразделений по преодолению водных преград на занятиях по тактике, подготовку техники и вождение БМД на плаву (вождение и эксплуатация бронетанковой техники), сдачу нормативов по военному прикладному плаванию (физподготовка). Даже в учебный центр мы однажды отправились, как морская пехота, на судне. Жемчужиной этих мероприятий, несомненно, были прыжки.

Приводнение осуществлялось на относительно небольшом водоеме – так называемый «аппендицит» старицы реки Оки. Прыгали по двое с Ан-2. Попал в воду – пять баллов, не попал – перепрыгивай с другой командой. Пара человек в нашем взводе перепрыгивали.

Техника этого мероприятия далеко не простая. Здесь мне совершенно не жалко несколько дольше задержать внимание

читателей, так как, думаю, это будет интересно многим.

Сначала на десантника надевается спасательный жилет, имеющий две трубки с клапанами – на правом и левом борту. Через эти трубки в жилет ртом, как в воздушный шарик, подкачивается воздух, но не сильно – так, чтобы можно было поверх надеть парашют. После отделения от самолета и ориентирования в воздухе нужно так подрулить стропами управления, чтобы гарантированно попасть в водоем. Затем начинается самое опасное и, вместе с тем, интересное. Примерно за двести метров до водной поверхности необходимо поглубже сесть в главный обхват парашюта, отсоединить с одной стороны запаску, отстегнуть ножные обхваты, далее – расстегнуть грудную перемычку и подкачать обе стороны спасательного жилета. Завершив последовательно все эти манипуляции, следует извлечь одну руку из-под плечевого обхвата и, держась обеими руками за свободные концы с противоположной стороны, дождаться, когда ноги коснутся воды (в идеале), и покинуть подвесную систему парашюта. Главное при этом – не выпрыгнуть из нее раньше времени. При таком раскладе от удара о водную гладь можно сильно травмироваться. Вода очень обманчива. Если смотреть строго вниз, то крупные волны могут показаться мелкой рябью, и расстояние до воды будет оценено неверно. Поэтому на ее поверхность важно смотреть под углом. Это дает более объективную картину. Не менее опасной является ситуация, когда парашютист не успевает покинуть подвесную систему: он

рискует утонуть, запутавшись в стропах парашюта, как рыба в сетях.

В моем случае в конечном счете все прошло нормально, за исключением того, что выданный мне жилет держал воздух только одним бортом. Раньше надо было проверять! Когда влетел в воду, показалось, что погрузился в нее метра на три. Вынырнул. Оказалось, что я попал в ту часть водоема, которая выходит на противоположный берег от пункта сбора. Купол, подхваченный легким дуновением ветра, аккуратно отлетел в сторону и сел на камыши, почти не замочившись. Это хорошо! Его тут же забрал наряд, вовремя подошедший на своей надувной лодке. Я поплыл в сторону пункта сбора. Так как жилет был надут только наполовину, плыть пришлось почти боком, загребая одной рукой, как раненый Чапаев в одноименном фильме братьев Васильевых. Немного запыхался. В одежде, да еще в обуви, и без того трудно плыть. Наконец вылез на берег и сразу же снял с себя комбинезон и заодно трусы, чтобы отжать из них воду. Тут же услышал знакомый голос нашего преподавателя по воздушно-десантной подготовке – подполковника Г. Он громко и в весьма повелительном тоне крикнул в мегафон: «Инер, трусы одень!». Я поднял голову вверх, в направлении того места, откуда доносился звук. На краю обрыва стояло немало людей, среди них – женщины и дети, привезенные их военными родственниками для того, чтобы те смогли насладиться столь редким даже для училища и, несомненно, прекрас-

ным зрелищем. Осознав свою ошибку, быстро привел внешний вид в порядок и поднялся по склону на поляну, где при помощи укладочных столов и деревянных жердей была сооружена раздевалка. Если отбросить этот маленький конфуз и забыть про не совсем исправный жилет, можно считать, что поставленная задача выполнена на отлично.

Чтобы привить десантникам навыки, необходимые при приводнении, в ходе предпрыжковой подготовки на стапелях часто отрабатываются все элементы такого прыжка, особенно если в районе площадки приземления находится водоем. В наши годы в одном из полков сложилась внештатная ситуация: несколько бойцов попали на воду и утонули, не сумев справиться с непредвиденными обстоятельствами. После этого элементы приводнения стали тренировать гораздо чаще и скрупулезнее. К сожалению, и сейчас подобные происшествия не являются очень редкими. В 2016 году в Новороссийске на прыжках утонули два десантника, в 2019 – столько же в Крыму.

На одном из десантирований в Сельцах мы прыгали возле Оки на довольно ограниченную площадку. Происходило это весной, когда снежный покров на открытых пространствах уже растаял и оставался только местами в лесу. Отделение от самолета прошло в штатном режиме. После раскрытия купола обнаружил, что нахожусь практически над рекой. По ней плыли какие-то белые бесформенные фрагменты. Я с ужасом подумал, что в воду угодили мои товарищи, десантиро-

вавшиеся с предыдущих бортов. Попасть в ледяную воду в зимней куртке – то еще удовольствие. К счастью, как потом выяснилось, я ошибался. По реке плыли льдины. Летчики же верно рассчитали силу и направление ветра и правильно проложили курс самолета. Мой парашют плавно потянуло воздушным потоком в сторону суши, и я приземлился на значительном удалении от кромки воды. Но один наш товарищ все-таки попал в воду. Это была лужа, которая, чуть ли не единственная, красовалась посреди ровной, как блюдо, площадки приземления. За исключением немного подмоченного курсанта, в этот раз все обошлось без эксцессов.

Трагедия стряслась здесь же, в другой раз, и не с курсантом, а с партизаном – так называли гражданских, призванных на военные сборы. Парашютиста, видимо, забывшего о стропах управления, ветром увлекло к водоему, скованному льдом. Никто не ожидал от сложившейся ситуации подвоха, так как поверхность была достаточно прочной. В этой части реки находилась всего одна подмерзшая полынья, в нее, по чудовищному стечению обстоятельств, и влетел бедолага. Проломив тонкий лед, он полностью погрузился под воду так, что лишь купол со стропами оставался на поверхности. За него-то и вытащили из проруби попавшего в беду парашютиста подбежавшие товарищи. Однако спасти захлебнувшегося водой не удалось.

На этой же площадке приземления со мной произошел случай, не связанный с водоемами, но не менее тревожный.

Я уже совершил прыжок и, удачно приземлившись, собирал стропы парашюта в бесконечную петлю, чтобы затем упаковать его в сумку. Вдруг мой купол, не спеша волочившийся по земле, за что-то зацепился. Я бросил стропы и пошел посмотреть, в чем дело. Оказалось, что в землю был воткнут железный штырь. Видимо, к нему селяне привязывали скотину. Он торчал всего в паре метров от места моей посадки. Воображаю, что могло произойти, если бы я во время приземления наткнулся на него ногой или, еще хуже, туловищем. Пришлось навести порядок.

Приведенные примеры, надеюсь, дают читателю понимание того, что собой представляют учебно-боевые прыжки с парашютом. К каждому из них необходимо относиться максимально серьезно и всегда быть готовым к любым нештатным ситуациям!

Следует также отметить, что не всякий запланированный прыжок завершается его практическим исполнением. Хотя наша авиация и считается всепогодной, с прыжками дело обстоит иначе: есть ограничения по скорости ветра, температуре воздуха и толщине снежного покрова. Сейчас, конечно, даже на Северный полюс десантируются, но при таких условиях и парашюты другие, и оборудование. У нас же нередко и, как правило, из-за неустойчивой погоды, прыжки отменялись. Хуже всего, если это происходило тогда, когда мы уже находились на аэродроме: оставалось только сесть в самолет и прыгнуть. Иногда команду «отбой» давали после при-

стрелки – десантирования нескольких человек. А однажды даже в воздухе дали отбой. Уж лучше б прыгнули. Плановый прыжок все равно состоится, но уже в другой день. Снова предпрыжковая, ранний подъем и остальные прелести десантной службы. Ничего не поделаешь – «издержки производства».

Как раз к месту вспомнил случай, когда десантирование отменили по довольно редкой технической причине. В полете заглох наш безотказный, старый добрый биплан Ан-2. Я каким-то странным образом именно в этот момент рассматривал привинченную к перегородке кабины памятку для летчиков о предотвращении гидроудара при запуске двигателя. Неожиданно в салоне стало тихо. Мы, удивленно, не обмолвившись ни единым словом, переглянулись друг с другом. Высота была уже приличная. Промелькнула мысль: «Успеем выпрыгнуть!». И следом – «А как же летчики?». Но нас почему-то не выпустили. Самолет буквально через несколько секунд прокашлялся и вновь привычно загудел. После приземления нашу группу, без очереди, отодвинув иностранцев из спецфака, погрузили на следующий борт. И такое бывает.

К сожалению, при проведении прыжков в нашем батальоне не обошлось без трагедии. Прыгали с Ил-76 на площадку приземления Дягилево. Это случилось холодной и снежной зимой, на втором курсе. В поле лежал глубокий снег с таким толстым настом, что по нему можно было ходить, не боясь провалиться. Погоду долго не давали, поэтому, когда при-

ступили к десантированию, уже вечерело. К тому времени, как весь батальон собрался в пункте сбора, было уже совсем темно. Провели проверку личного состава – одного курсанта не хватало. Распределились по площадке приземления и пошли искать. Еле-еле нашли его под снегом – живого, но в тяжелом состоянии. Как выяснилось позже, курсанта при отделении от самолета закрутило, и звено стабилизирующего парашюта прошло между рукой и туловищем, а сама стабилизаторная крышка накрыла собой запасной парашют, расположенный спереди – в районе брюшной полости. Купол вышел, но наполнился лишь частично, образовав петлю с воздушным пузырем внутри. Курсант, пытаясь в темноте добраться до звена ручного раскрытия запасного парашюта, до крови под ногтями рвал стабилизирующий купол, но у него ничего не получилось. Если бы такая ситуация произошла в светлое время суток, скорее всего, исход был бы иным. Эвакуационная группа положила пострадавшего в санитарную машину и повезла в Рязань. К сожалению, по дороге он скончался. Провожали его домой полным составом училища со всеми положенными воинскими почестями.

Не хотелось бы заканчивать эту главу на такой мрачной ноте. Скажу лишь, что подобные катастрофы на прыжках в десантных войсках – это исключительные и единичные случаи. Все они надлежащим образом расследуются. Результаты расследований доводятся приказами командующего ВДВ до всех подразделений, и в войсках делается все возможное,

чтобы исключить подобные трагедии в дальнейшем. Каждый курсант, осознавая высокую ответственность не только за себя, но и за других десантников, всегда старается помочь товарищу: заправить выбившиеся перья стабилизации под клапаны ранца на прыжках с Ил-76, поправить швартовку оружия или амуницию, подняться и поддержать, если тот споткнулся или упал, и, конечно, поделиться своим опытом.

Подводя итог этой главе, отмечу, что за четыре года учебы в училище в мою парашютную книжку внесли записи о тридцати девяти прыжках разной сложности. Много это или мало – как посмотреть. Если судить по полученному опыту, думаю, немало. Кстати говоря, за каждый прыжок, в зависимости от сложности и их общего количества, полагалась выплата – от двух сорока до четырех рублей, притом что пообедать можно было в гражданской столовой за один рубль. Не скажу, чтобы кто-то из нас с нетерпением ждал прыжков или, наоборот, уклонялся от них. Мы просто относились к прыжкам как к данности. Ну а лишние два-три рубля в кармане, конечно, всегда радовали.

Всего для получения диплома нужно было совершить не менее тридцати пяти прыжков. У кого к выпуску их оказалось меньше (по причине болезни или несения нарядов), тем приходилось допрыгивать в учебном центре. Мне как-то повезло – я не пропустил в училище ни одного прыжка.

Глава 7. Учебный процесс

Для начала отмечу, что учебному процессу в училище уделялось самое пристальное внимание. Я буду еще не раз использовать эпитет «самое» далее по тексту, так что он от этого, возможно, слегка «потрется», но подходящих синонимов я не нахожу. Многие процессы, происходившие в училище, можно описать исключительно в превосходной степени. И в первую очередь это относится к организации обучения. Простой, но очень наглядный пример: за все время учебы по собственной воле я не пропустил ни одного учебного часа. Даже не представляю, как это можно было сделать. Каждый день командир роты или батальона проводил развод на занятия. Все пропуски имели свои названия:

- в санчасти;
- в наряде;
- на работах по заявке такой-то кафедры, штаба училища и так далее;
- по плану командира роты, батальона и тому подобное.

Относительно двух последних пунктов в этом перечне – такие причины отсутствия были достаточно редкими, имеется в виду, – в учебное время. И то, если реально имелась крайняя необходимость, например, подготовить материальную базу для тех же занятий.

Помню одну из проверок посещаемости лекций начальником учебного отдела, полковником Т. Необычайно строгий был офицер. Поверка личного состава производилась прямо во время лекции. Для этого вызвали командира роты. Курсанты, находившиеся в наряде, также по очереди прибыли из расположения, чтобы отметить. Дело дошло до больных. Для сверки были направлены посыльные в санчасть. Хорошо, что в гарнизонном госпитале никто не лежал. Казалось немыслимым, что кто-то из нас рискнет прогуливать: отчисление неминуемо.

Если курсант по каким-то причинам, неважно по каким, отсутствовал на занятии, он был обязан самостоятельно отработать пропущенную тему и написать конспект. Отсутствие в тетради хотя бы одной темы могло послужить причиной недопуска к сдаче соответствующего предмета по итогам семестра. В первую очередь это, конечно, относилось к военным дисциплинам. Преподаватели, обучавшие нас военному делу, не ленились: пересматривали все конспекты и ставили на них свои визы, чтобы у курсантов не было соблазна повторно подсунуть для проверки чью-то тетрадь.

Наш заместитель командира взвода, Николай К., нашел оригинальный выход из сложившейся ситуации. За него недостающие материалы лекций в тетрадки переписывали девушки. Помню, как после очередной проверки конспекта ему сделал замечание преподаватель по ВДП. По этому предмету мы заводили большие общие тетради с листами фор-

мата А4, которые регулярно испещряли объемными текстами. Наблюдательный офицер заметил, что конспекты Николая были написаны разными почерками, местами, несомненно, женскими. Впрочем, претензия преподавателя в большей степени носила саркастический характер и не имела для Николая никаких последствий. Задача поставлена – задача выполнена, все темы отработаны, какие проблемы? Мне только до сих пор непонятно, каким образом Николай девушек уговаривал. Как объяснял очередной пассии, почему в тетради есть записи, сделанные другой женской рукой? По-видимому, девчонки оказались не такими зоркими, как наши преподаватели. Чего уж там – любовь слепа!

Кстати говоря, конспекты проверялись не только на наличие, но и на содержание и даже оформление. Некоторые наши наставники, например, по военной топографии и инженерной подготовке, стимулировали нас тем, что перед сессией выбирали во взводе два самых полных и отлично оформленных конспекта и ставили за них зачет автоматом. Не знаю, как остальные, но я старался: аккуратно наносил в тетради рисунки и схемы, раскрашивал названия тем и важные определения или формулы цветными ручками и карандашами, но заветного «автомата» так ни разу и не получил. Видимо, у счастливицков вообще были шедевры.

Немаловажное значение придавалось методикам обучения военным дисциплинам. Ведь будущему офицеру критически важно не только самому обладать необходимыми

навыками и знаниями, но и уметь грамотно и в доступной форме передать их своему личному составу. Для составления планов проведения занятий различной тематики мы заводили отдельные методические тетради, которые по объему иногда превышали конспекты по этим дисциплинам. В планах находили отражение: тема занятия, учебные вопросы и поставленные цели, время, место и метод его проведения, материальное обеспечение, используемая литература, ход занятия (вводная и основная части, разбитые по учебным точкам, и заключительная часть). Все это оформлялось очень подробно, с соответствующими схемами и пояснениями. Позже, уже в моей гражданской жизни, в одном из образовательных учреждений мне пришлось составить аналогичный план. Откровенно говоря, я поленился и написал его, на мой взгляд, от силы на «три с плюсом», но с соблюдением всех вышеописанных формальностей. Каково же было мое удивление, когда мой план преподаватели приводили в пример!

От конспектов перейдем, собственно, к рассмотрению самого учебного процесса. Очевидно, нет смысла подробно описывать все дисциплины нашей программы обучения. Но большинство из них, в первую очередь сугубо военные, я, безусловно, затрону. Надеюсь, также читатель понимает, что далее по тексту не будет краткого курса лекций. Это было бы слишком скучно. Постараюсь ограничиться небольшим обзором каждого предмета, а в основном просто опишу мои

воспоминания о тех моментах учебы, которые мне показались наиболее интересными или забавными.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению военных дисциплин, хочу поделиться с вами своими впечатлениями об организации учебного процесса – так сказать – в целом, подводя тем самым небольшой итог вступительной части этой главы. Схема нашего обучения была прекрасно сбалансирована. Что я в данном случае имею в виду? Как только нам начинала приедаться теория, мы отправлялись на полевой выход или учения. После возвращения, уставшие от переходов и практических занятий, нам давали возможность отоспаться на лекциях, которым отводилась целая неделя или даже две. Честно говоря, несмотря на все наши лишения и трудности, я не завидовал участи студентов, проводивших весь семестр на пятой точке за «букварями» и в закрытых помещениях. Мне казалось, что ничего нет нуднее этого. А у нас – не заскучаешь!

Тактика

Тактика – царица военного искусства. С этим вряд ли кто-то сможет поспорить. Нашей настольной книгой по тактике стал Боевой устав ВДВ: часть третья – «Взвод, отделение» – и вторая – «Батальон, рота». Знали мы его почти наизусть. Помимо изучения уставов, много времени уделялось практическим занятиям за городом на так называемом «поле дураков» и, естественно, в учебном центре, где было сооруже-

но, как уже отмечалось, множество объектов для отработки различных тактических приемов.

Начиналось все с одиночной подготовки солдата-десантника. Приходилось ползать по-пластунски, рыть окопы различного профиля, преодолевать естественные и искусственные препятствия и тому подобное. Затем, последовательно: тактика отделения, взвода, роты и батальона.

Со второй половины первого и на всех последующих курсах серьезное внимание уделялось формированию навыков постановки личному составу всевозможных задач: на десантирование, проведение маршей, организацию обороны или наступления. Отрабатывалось это с помощью топографических карт, макетов местности и непосредственно на самой местности. Возможно, кому-то покажется странным, но тактическая подготовка, помимо сугубо военно-прикладных навыков, приучает к аккуратности. Нужно уметь правильно склеить и оформить карту. Информация на нее наносится при помощи туши, цветных ручек и карандашей. Несмотря на то, что я довольно неплохо рисовал, добиться более-менее приемлемого результата мне удалось далеко не сразу. Все знаки должны быть не просто аккуратно нанесены на карту, но и соответствовать ее масштабу, рельефу местности, застройке, коммуникациям и, самое главное, – вашему замыслу. В противном случае – это будет просто детская раскраска, не имеющая никакого практического значения.

Во время изучения тактики чертить и рисовать нам при-

ходилось немало, и не только на картах. На обычных листах или в тетрадах мы изображали схемы движения колонн, расположения опорных пунктов, ориентиров, карточки огня, структуры подразделений вероятного противника. Офицерская линейка – тут главный помощник. А еще требовалось освоить сотни полторы различных тактических, картографических обозначений и научиться правильно читать их на карте. Зачастую все это приходилось делать в полевых условиях, положив планшет или офицерскую сумку на колени. В общем, как вы поняли, тактика – это не только шашкой махать.

Самыми сложными, но в то же время наиболее интересными были занятия с выходом или выездом на местность. Проходили они как в пригороде, так и в окрестностях учебного центра. Организация двухчасового обучения по трудозатратам соизмерима с подготовкой к реальному боестолкновению. Преподавателю необходимо задолго до самого мероприятия подать заявку на технику, радиостанции, материальное обеспечение, проверить готовность учебных машин, средств связи, а также проинструктировать механиков-водителей. Помимо этого, нужно заблаговременно выехать и осмотреть то место, где будут расположены учебные точки. Я уже не говорю о составлении плана-конспекта занятия и, собственно, о его проведении – чтобы за короткое время, соблюдая установленные меры безопасности, без лишней суеты обеспечить выполнение всех намеченных учебных целей

и задач. В этом вопросе следует отдать должное профессионализму наших преподавателей. Каких-либо сбоев, даже самых незначительных, я не припомню.

СХЕМА: Действие лазерного отл.

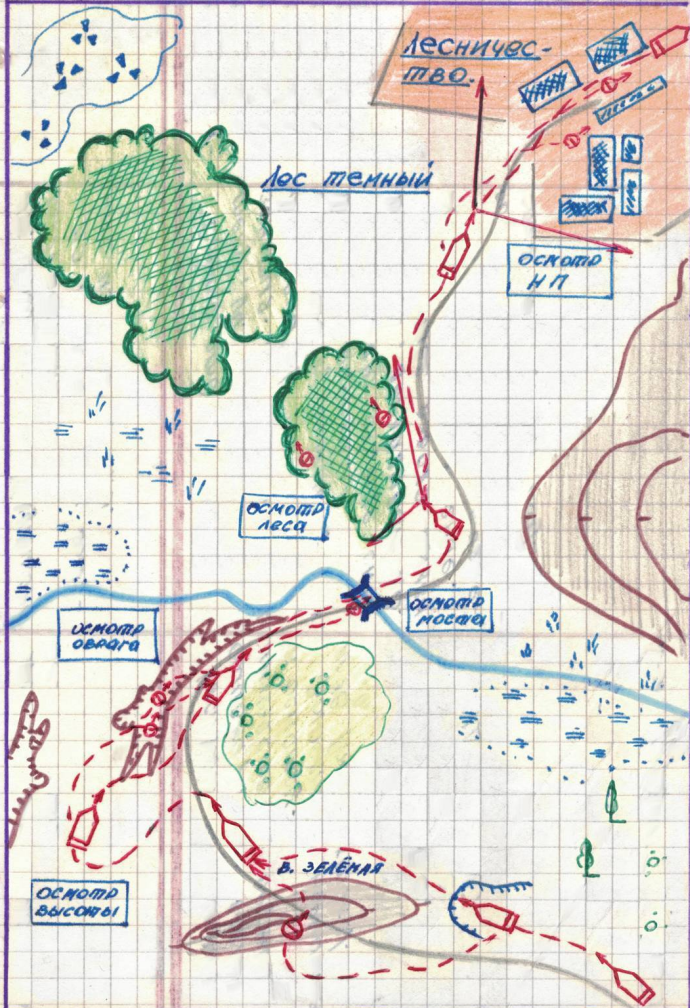

Схема из тетради по методике тактической подготовки.
Взято из личного архива автора

На полевые занятия по тактике нам почти всегда выдавали имитацию: холостые патроны, ракетницы, взрывпакеты и даже холостые выстрелы для БМД-1 – «сапуны» – в случае, если использовалась техника. Поначалу все это было, конечно, интересно. Но потом до каждого быстро дошло, что по завершении небольшой «войнушки» приходится усиленно чистить весь привлеченный арсенал. К обслуживанию оружия в училище относились чрезвычайно серьезно. В буквальном смысле это мероприятие возводилось почти в культ. Особенно усиленно чистка, по очевидным причинам, проводилась после полевых выходов.

Однако совсем не стрелять не получалось. Не услышав характерного треска автоматов, преподаватель возвращал нас на исходную позицию и вновь заставлял выполнять учебную задачу, но уже с применением оружия. Проблему решили следующим образом: весь боезапас отделения отдавали одному из курсантов, он и стрелял налево и направо. Всего во взводе получалось три стрелка. Шума от них было достаточно. Потом все помогали им чистить оружие – каждому доставалась какая-то из частей. Аналогичным образом поступали и на стрельбище при выполнении упражнений из стрелкового оружия.

Иногда на практических занятиях применялась имитация химического заражения местности. Она представляла собой пластиковую емкость со слезоточивой жидкостью, внутри которой размещался и затем поджигался взрывпакет. От взрыва образовывалось густое облако пара, раздражавшее слизистую оболочку глаз. Помню, как-то наш товарищ Юра Б. забыл взять с собой на тактику противогаз. Одна часть взвода сидела тогда в окопах, включая меня и Юру, а другая наступала на наш опорник. Вслед за взрывом имитации поступила команда «Газы!», и все быстро надели противогазы, кроме, естественно, Юры. Погода была безветренная, и пары слезоточивой смеси стали медленно опускаться на дно окопа. В это же время на нашу позицию началась атака условного противника, и мы встречали ее «яростным» огнем из холостых патронов. Тут выяснилось, что имитация заражения – вовсе не безобидная. Мы поняли это, наблюдая за нашим незащищенным от ядовитого воздействия товарищем. Юра, зажмурив глаза, с небывалой сноровкой стал выбираться из окопа – почему-то не в сторону противника, а в тыл. Мои товарищи, конечно, ради смеха, со словами: «Назад, предатель!» – всячески препятствовали его замыслу. Смех был слышен даже сквозь маски противогазов. Потом гуманистические соображения все же возобладали, и прослезившегося «дезертира» отпустили восвояси.

Кстати говоря, Юра наш, как оказалось позже, человек вполне геройский. Службу закончил в группе «А» ФСБ Рос-

сии, награжден двумя орденами и медалями «За отвагу». И таких парней среди наших выпускников немало.

Очень запомнились мне первые занятия по тактике на боевых машинах. В БМД мы забирались и до этого – отрабатывали посадку и спешивание на время. Несмотря на то что с явно избыточным весом среди нас никого не было, это с виду простое упражнение оказалось не таким уж и легким. С первого раза уложиться в установленное время не удавалось почти никому. БМД-1 или 2 – очень тесные машины, тем более когда ты облачен в зимнее обмундирование и валенки (фетровыми сапогами нас тогда еще не снабжали). Помимо этого – рюкзак РД-54, автомат, офицерская сумка, противогаз, саперная лопата. При попытке покинуть машину постоянно что-то цеплялось.

Посадочных мест в машине семь. Спереди находятся командир отделения, механик-водитель и пулеметчик, в башне – наводчик-оператор – у каждого из них свой люк. Остальные – гранатометчик, стрелок-помощник гранатометчика и старший стрелок – покидают машину через десантный люк на корме. Тут главное – соблюдать очередность и не толкаться, как поросята у кормушки. Каждый курсант должен тренировать выполнение норматива с разных посадочных мест. Затем отрабатывается построение слева и справа от БМД в боевой порядок (цепью) и посадка обратно в машину. После отработки этих навыков на неподвижной броне необходимо все повторить, но уже на ходу.

На следующем занятии погрузились мы в бээмдэшки и направились в сторону тактического поля. Я сидел у десантного люка. Двигались по разбитой гусеничной техникой грунтовой дороге, затем – по снегу по пересеченной местности: сплошные ямы и ухабы. Болтало меня так, как известную субстанцию в бочке. Минут через десять-пятнадцать начала кружиться голова, появилась страшная тошнота. С величайшей радостью воспринял команду «К машине!» и затем – «Отделение, в направлении... к бою, вперед!». При всем том, что бежать было очень тяжело, так как снега в поле намело изрядно, для меня это, в прямом смысле, было глотком свежего воздуха. Однако радость моя оказалась недолгой – поступила команда «По местам!». И так – несколько раз. В очередной раз, садясь в машину, я думал, что дальше уже не смогу учиться, так как физически не выношу такую болтанку. Какая досада – преодолеть столько преград, чтобы поступить в училище, и отчислиться из-за банальной тошноты.

Но упражнения на технике, к счастью, закончились, наступил черед других испытаний, и я каким-то образом в повседневной суете позабыл о тошнотворных позывах своего организма и навеванных ими дурных мыслях. Затем занятий на машинах было еще много, но почему-то эти неприятные ощущения, а с ними и мысли, испарились сами собой.

Неподдельный интерес всегда вызывали у нас занятия в темное время суток, хоть они и сокращали наш сон на пару часов. Почему-то казалось, что ночные тренировки более при-

ближены к боевой обстановке. Все как в фильмах про разведчиков: по команде попрыгали, чтобы исключить малейший звон металлических частей амуниции и вооружения, сверили часы, распределились по местам. Мы четко знали, на каком расстоянии видно зажженную спичку или сигарету, как далеко слышны хруст сломанной под сапогом ветки, человеческая речь, выстрел и многое другое. Ну чем не следопыты, подобные главному герою известной пенталогии Фенимора Купера?! Настало время применить полученные знания на практике. Нас делили на группы, и мы под покровом темноты осуществляли тактические действия друг против друга – захватывали «вражеские» позиции или, наоборот, защищали свои. Особенно радовались тогда, когда удалось застать «противника» врасплох. Почему-то протяжное «Ура!» кричали все, даже заранее не сговариваясь. Видимо, этот боевой клич веками закладывался в наш национальный код. Все это бередило нашу кровь – вчерашних пацанов, не доигравших в войнушку.

За каждым взводом закреплялся свой преподаватель тактики. Для вашего знакомства с нашим куратором я припас место в конце повествования. Относительно остальных – время от времени мы попадали на занятия и к ним. Абсолютно не кривя душой, могу сказать, что все они были людьми интересными и опытными в своем деле. В короткие минуты перерывов между учебными часами с удовольствием слушали их рассказы о службе в войсках и выполнении

различных заданий за пределами нашей Родины. Совершенно не могу сказать о них ничего отрицательного, разве что о каких-то мелочах, свойственных любому человеку. Главное, что у каждого преподавателя был свой особый характер и незабываемая харизма.

Самый старший на кафедре тактики и по годам, и по званию – полковник З. – отличился еще во времена Маргелова на каких-то масштабных учениях, о чем я прочитал в одной из книг по истории ВДВ. Был он офицером старой, маргеловской закалки. Как и легендарный командующий, постоянно курил «Беломор». Помню, как мы сдавали ему экзамен в летних классах учебного центра – дым стоял столбом, хоть топор вешай. Не стеснялся он курить у открытого окна в кабинетах на кафедре тактики. Можно сказать, что в некоторых моментах, не относящихся к делу, он позволял себе легкую форму здорового армейского пофигизма – по сроку службы положено.

На очередном из его занятий курсанту была поручена постановка задачи взводу, допустим, на оборону (в данном случае не важно, какая). Боевые задачи расписываются по времени и рубежам примерно по формуле: тому-то к такому-то времени выйти на такой-то рубеж и произвести такие-то действия. Курсант докладывал довольно бодро, и З. слушал его, не прерывая, пока тот не дошел до объявления времени – «двенадцать ноль-ноль». Старый полковник, казалось, пропустивший все мимо ушей, тут же раздраженноотреагиро-

вал: «Х*ель – ноль-ноль!» (извините за мой французский, но из песни слов не выкинешь). От неожиданной, как по форме, так и по содержанию реплики, строй разразился гомерическим хохотом. Такой экспромт мог себе позволить только З. Зато мы на всю жизнь усвоили, что с военной точки зрения правильно говорить кратко: «двенадцать часов».

Почему-то еще запомнилось, как он читал нам лекции. Конечно, не все их содержание, а начало. Оно всегда было одинаковым: «Коммунистическая партия Советского Союза и советское правительство уделяют большое внимание развитию наших вооруженных сил в целом и воздушно-десантных войск в частности. В связи с этим организация разведки, как одного из основных видов боевого обеспечения, имеет особое значение...». Если же лекция посвящалась другим видам обеспечения или обороне, наступлению и так далее, то в последнем предложении слово «разведка» заменялось на соответствующее этой теме. Чем-то напоминает «торжественный комплект» Остапа Бендера в «Золотом теленке» – пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей.

Занятия по тактике, как, впрочем, и по другим дисциплинам, проходили в любое время года и при любой погоде. Один из полевых выходов выпал на очень холодную и снежную зиму. Морозы ночью доходили до минус тридцати. Тактические занятия, стоявшее в расписании последним, со вторым взводом проводил закрепленный за ним подполковник

П. Слыл он среди нас... — даже слов не могу подобрать, по-просту говоря, — человеком с тонким, но временами слегка эксцентричным юмором.

Учебное время подходило к концу, и преподаватель построил подразделение в две шеренги для разбора недостатков. Видимо, их было немало, поэтому его назидательная речь малость затянулась. Курсанты стояли в строю, позволяя себе от холода переминаясь с ноги на ногу и слегка стучать друг о друга внутренними краями подошв фетровых сапог. В такую погоду эта обувь уступала обычным валенкам, и неподвижные ноги немного подмерзали. И если первая шеренга стояла безмолвно, то из второй, незаметно, воспользовавшись прикрытием впереди стоящих курсантов, почти шепотом доносился ропот. Смысл его был примерно следующим: что и так, мол, все понятно, мы уже давно околели и нужно прекращать «эксекую». От этого сравнительно тихого протеста строй немного гудел, как пчелиный улей с приходом пасечника. Подполковник был абсолютно глух и никак не реагировал на неуставные шевеления, пока кто-то из курсантов, на этот раз уже полностью нарушив этику строя, не додумался сказать: «Товарищ подполковник! У Вас нос совсем побелел». Преподаватель, быстрыми движениями растирая замерзший нос, тут же бодро скомандовал: «Понял! Заканчиваем занятие!». Сделал он это, конечно, ради шутки, а не из-за боязни отморозить нос, и таким образом умело и с юмором вышел из сложившейся ситуации.

Иногда практические занятия по тактике (на местности) у нас проводили преподаватели, закрепленные за другими подразделениями. Один из них запомнился мне своей манерой изложения учебного материала. Он все время повторял слова, выдавая их равномерно и строгими порциями, как кванты. Звучало это примерно так: «Наш – наш, третий – третий, батальон – батальон, получил – получил, задачу». Только последнее слово в его тираде не имело брата-близнеца. Следующие его предложения строились по такой же формуле. Какова была причина таких повторений – трудно сказать. Возможно, он считал, и, наверное, не без основания, что все мы балбесы и с первого раза его не поймем. А так, видимо, материал усвоится лучше. Не исключая также того, что его мозг, возможно, из-за контузии, не успевал вытащить из памяти подходящее слово и выдавал его с задержкой, поэтому приходилось заполнять образовавшуюся паузу повторением предыдущего. Как-то один сослуживец рассказал мне похожую историю про своего преподавателя. Когда его студенты просили повторить только что сказанное им на лекции, он отвечал: «Два раза не повторяю – два раза не повторяю!».

Ну и в завершение раздела о тактике, понимая, что и в собственном глазу соринка всегда найдется, расскажу об одном эпизоде, в котором я с товарищем из нашего взвода принимал непосредственное участие. Шел второй год учебы. Мы уже, как нам казалось, много чего умели. В этот раз,

какой нас дернул черт, решили проверить свои навыки на практике. На занятия, как я уже отмечал, мы часто получали всякую имитацию и в том числе противотанковые мины. Заряда в них не было, но выглядели они как настоящие – защитного цвета, со вкрученными взрывателями.

Есть такой простой способ подрыва движущейся техники: к ручке мины привязывается длинный шнур, сама мина укладывается у кювета дороги с одной стороны, а подрывник с концом веревки – на другой стороне. При приближении вражеской техники боеприпас подтаскивается за веревку аккуратно под колесо машины. Тут важно рассчитать, чтобы водитель не увидел мину раньше, чем нужно.

Короче говоря, решили мы провести эту операцию на проселочной дороге с учебной миной. У нас хватило ума вытянуть боеприпас на дорогу пораньше, чтобы посмотреть на реакцию водителя. Наверное, думали, что это смешно. В общем, действовали больше из хулиганских побуждений. Спасибо нашим советским дорожникам, которые не успевали латать асфальт. Из-за этого крейсерская скорость по той дороге была километров сорок. Водитель, конечно, заметил мину и аккуратноенько ее объехал, почти не удивившись. Видно, народ из близлежащих деревень уже привык к подобным причудам со стороны беспокойного соседа.

Надеюсь, все поняли, что эта история из раздела «как не надо делать».

Воздушно-десантная подготовка (ВДП)

Воздушно-десантная подготовка – это не только и не столько прыжки. Им я уже посвятил внушительную по размерам предыдущую главу, поэтому больше внимания уделю средствам десантирования техники. За время учебы мы досконально изучили парашютную платформу П-7 и многокупольную систему МКС-5-158Р, бесплатформенную многокупольную систему МКС-350-9, а также парашютно-реактивную систему – ПРСМ. Эти системы по сей день не имеют аналогов в мире. Конечно, мало знать устройство и технические характеристики средств десантирования; нужно уметь осуществлять их укладку, швартовку техники, проверять ее перед десантированием, десантировать и расшвартовывать на площадке приземления. Это целая наука, которой посвящены три объемные книги.

Наиболее интересными были практические занятия по ВДП. На одном из таких занятий, посвященном парашютно-реактивной системе, произошло не совсем обычное событие. Так как парашютные системы довольно большие, для их изучения использовался просторный зал, расположенный в одном из учебных корпусов. Курсанты девятой роты (я думаю, что они простят меня, если я ошибаюсь) изучали парашютно-реактивный двигатель. Его предназначение – снизить скорость машины при приземлении за счет реактивной тяги. Он снаряжается пороховыми зарядами, имеющими форму длинных цилиндрических стержней черного цвета и

толщиной примерно с черенок лопаты. Для полного снаряжения двигателя их требуется много, но в помещении был, видимо, только для примера, всего один заряд. Кто-то из любознательных курсантов задался вопросом: «Настоящий он или бутафория?». Эксперимент решили провести во время перемены прямо на месте. После поднесения зажженной спички к заряду наши экспериментаторы воочию убедились в том, что он действительно настоящий и, кто бы мог подумать, имеет при возгорании реактивные свойства. Воспламененный заряд летал по помещению из стороны в сторону, постоянно меняя траекторию, как угорелый. Оставалось только удивляться, как он ничего не поджег. Не говорю уже о возможном получении ожогов обучающимися. Вот насколько верными иногда бывают пословицы: «Чем больше десантник спит, тем меньше от него вреда!».

Несколько позже занятие по данной теме проходило и в нашем взводе. Вместо порохового заряда нам положили аналогичного размера палку, завернутую в фольгу, – видимо, надеясь, что это остановит нас от экспериментов с огнем. Для пущей убедительности преподаватель еще на всякий случай продемонстрировал углубленное черное пятно на паркете, выжженное на предыдущем заходе, и вкратце рассказал о причине его образования.

В этом же зале мы изучали этапы укладки парашютов, предназначенных для десантирования техники. Их внушительные размеры низводили нас до уровня лилипутов, блуж-

дающих в складках одежды Гулливера. Вдумайтесь, площадь только одного купола МКС-5-128Р составляет семьсот шестьдесят квадратных метров. Между прочим, это больше площади стандартного садового участка. Когда купол лежит на полу, вытянутый в длину, со стропами, собранными в пучок у его кромки, в него можно погрузиться, как в огромную пуховую перину. На перемене, честно говоря, мы так и делали. Только сапогами не позволялось его топтать, да и некрасиво это – грязной подошвой по белоснежному капрону. Поэтому занятия часто проводились босиком или в армейских тапочках. Было это как-то даже по-домашнему.

Очень забавным показался процесс помещения в первый раз огромного купола в его камеру. Для этих целей служит специальная рамка в форме параллелепипеда, смонтированная из стальных труб. Камера крепилась к ней, как мешок, открытой частью вверх, через которую и загружался купол. Полностью из-за своей пышности он в нее поместиться не мог и постоянно выбивался, как всходящее дрожжевое тесто из кастрюли. Чтобы решить эту проблему, нужно было прибегнуть к помощи трамбовки. Она похожа на цилиндрическую кувалду, только металлическая ручка приварена не сбоку, а с торца. Энергично работая трамбовкой по неподатливой части купола, он постепенно полностью загонялся в камеру. Большие купола требуют больших усилий.

Швартовка техники осуществлялась в специальных ангарах, расположенных вдоль воздушно-десантного комплекса.

В холодное время года в них становилось достаточно зябко, но это если стоять и ничего не делать, а у нас хлопот было хоть отбавляй. Как говорил мой командир роты в войсках, отправляя нас в сорокаградусный мороз на уборку территории: «Работайте до тех пор, пока хорошенько не вспотеете». В общем, сильно замерзнуть на тренингах по ВДП мы не успевали.

После изучения и практической отработки всего вышеперечисленного проводились занятия уже на аэродроме по погрузке зашвартованной техники в Ил-76, предполетному осмотру и подготовке ее к десантированию. Безусловно, все это было очень интересно, так как практически никто из нас ранее не сталкивался с чем-то хоть отдаленно похожим на системы десантирования военной техники. Да и сам предмет казался каким-то эксклюзивным из-за непохожести на другие дисциплины. Появилось такое чувство, будто мы прикасаемся к чему-то такому, что недоступно большинству живущих на Земле, примерно как пилотируемая космонавтика.

Огневая подготовка

За время учебы нам пришлось освоить практически все виды штатного вооружения парашютно-десантных подразделений: ручные гранаты различных типов; из стрелкового вооружения – пистолеты ПМ и ПБ, автоматы АКС-74 и АКСУ-74, ручной пулемет РПКС-74, снайперскую винтовку СВД. Из средств поражения танков – противотанко-

вые гранаты РПГ-22 и РПГ-28, гранатомет РПГ-7Д. А еще – автоматический гранатомет АГС-17 и, конечно, вооружение БМД-1 и БМД-2: пулемет ПКТ, гладкоствольное орудие 2А28, автоматическую пушку 2А42, прицелы к ним, противотанковые управляемые ракеты (ПТУР). Кроме этого – переносные зенитные комплексы «Стрела» и «Игла», противотанковые и противопехотные мины. Практически все вооружение, за исключением ПЗРК и боевых мин, приходилось применять.

Но огневая подготовка не сводится только к стрельбе. Она включает в себя обслуживание вооружения, подготовку к стрельбе, чистку и смазку после применения. Для этого необходимо досконально знать его устройство, уметь производить полную или частичную разборку и сборку. Для отработки этих навыков существует множество нормативов, которые нам приходилось сдавать на каждой сессии. Причем даже на четвертом курсе мы вновь сдавали нормативы по вооружению, изученному еще в начале первого курса. Все отработывалось до полного автоматизма. Сотни раз производя одну и ту же операцию, мы находили оптимальную траекторию движения рук, расположение частей вооружения для повышения скорости и сокращения времени на его сборку или разборку. Конечно, обменивались опытом друг с другом и со старшекурсниками. Представьте себе, зачастую самыми коварными оказывались технически наиболее простые нормативы: снаряжение магазина автомата патронами, ручной

гранаты – запалом, гранатометного выстрела – вышибным зарядом. Любая неточность в движении – и ты уже не успеваешь уложиться в отведенное время. Оценка – пять или два, третьего фактически не дано.

Кроме того, очень важно было уметь производить выверку и пристрелку оружия. Это почти отдельная наука. Без нее невозможно обеспечить приемлемый уровень поражения противника имеющимися огневыми средствами. У каждого курсанта по огневой подготовке имелся особый блокнот, в который вносились все характеристики боеприпасов, вооружения, порядок его выверки и пристрелки, а также специальные таблицы, необходимые для этих целей.

Курсант нашего взвода Петя К. поучаствовал даже в разработке рационализаторского предложения по этой теме: смастерил новаторское приспособление для пристрелки пулемета и внес тем самым свой вклад в военно-научную работу училища.

НАШ ЛОЗУНГ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН — УЧИТЬСЯ ВОЕННОМУ ДЕЛУ
НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ.

В. И. ЛЕНИН

ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

3-й батальон — за I место
в смотре-конкурсе
военно-научной работы

За отличные успехи в боевой и политической подготовке, дисциплину и безупречную службу в рядах Вооруженных Сил СССР награжден Вас грамотой.

Выражаю уверенность, что Вы и впредь будете служить примером доблести, совести, выдержки и отваги в исполнении своего патристического долга перед нашей великой Родиной, Союзом Советских Социалистических Республик.

НАЧАЛЬНИК УЧИЛИЩА генерал-лейтенант

А. Слюсарь

(подпись)

1988г.

Грамота, награждается 3-й батальон – за 1 место в смотре-конкурсе военно-научной работы. Взято из личного архива автора

Определенное время, в свою очередь, отводилось баллистике, изучению всевозможных формул и коэффициентов, оказывающих влияние на точность стрельбы в различных условиях.

Для отработки всех навыков обращения с вооружением, помимо огромного стрельбища на территории учебного центра, в самом училище оборудован электронно-стрелковый тир. По тем временам в нем находились самые передовые тренажеры. На них, к примеру, можно было отработать пуск ПТУР. Стояло также несколько тренажеров для наводчиков-операторов БМД и БМП в виде башен с боеукладкой. Все это и многое другое применялось в учебном процессе.

Но, как ни крути, вершиной обучения владению оружием является умение поразить цель. Очень важно при этом избежать любых нештатных ситуаций. Как говорят юристы, – «Оружие является источником повышенной опасности». В армейской терминологии это звучит так: «Раз в год даже палка стреляет». Однако благодаря правильной организации стрельб за все время обучения в нашем батальоне, в частности, да и в других подразделениях, не произошло ни одного серьезного случая травматизма и, тем более, гибели людей.

Конечно, предпосылки к этому или незначительные травмы, чего греха таить, бывали. О них сейчас и пойдет речь – в назидательных целях.

На стрельбище нас, помимо прочего, обучали метанию боевых гранат – оборонительных (РГД-5, РГ-42) и наступательных (Ф-1, в народе – «лимонка»). Одно из упражнений с наступательной гранатой выполнялось на точность броска. Метание осуществлялось из оборудованного окопа по мишени, представлявшей собой нарисованный на земле белый круг с флажком в центре. Попал в круг – отлично, не попал – есть еще две попытки. После броска боец приседает вглубь укрепления, чтобы его не посеколо осколками. Преподаватель в это время наблюдает за результатом, находясь за бетонной стеной поодаль от огневой позиции.

Метание боевой гранаты, несмотря на кажущуюся простоту, – дело предельно ответственное. Ошибки здесь обходятся дорого.

На этот раз все шло по плану. Я уже выполнил упражнение и находился в безопасном месте. Настала очередь курсанта М. У Димы М. был самый маленький рост в роте, а может, даже и в училище. По этой причине окоп оказался для него несколько глубоок. При выполнении броска его запястье ударилось о бруствер сооружения. От удара рука разжалась, и взведенная граната плавно покатила по внешней стороне бруствера. Буквально в полтора метрах от курсанта прогремел взрыв. Хорошо, что он успел вовремя присесть.

Преподаватель из-за укрытия наблюдал за выполнением броска и, естественно, несколько оторопел от увиденного. Как раз перед занятием он рассказывал нам, что однажды не успел спрятать ногу за стену, и в его валенок влетел осколок. На сей раз все обошлось, но повод для беспокойства был нешуточный. Наш Дима тоже переволновался. Правда, причина для этого у него была совершенно иная, нежели у преподавателя. Первое, что он сказал, выбравшись из окопа: «Товарищ полковник, разрешите перебросить!». Понятно, пятерка сорвалась. Но полковник, еще не оправившийся от пережитого, не торопился вновь испытывать судьбу.

Следующая история произошла не на стрельбище. В учебном центре училища построен городок по борьбе с танками. Первые занятия в городке были посвящены метанию учебной противотанковой гранаты (УПГ-8) и так называемой «обкатке танками».

Многие, наверное, видели, как проходит обкатка в сюжетах фильмов о Советской армии: обучаемый находится в окопе, а над ним сверху проезжает танк. У нас это упражнение выполнялось по-другому. Курсант ложился в небольшую выемку на грунтовой дороге лицом к движущемуся на него танку. Как только позволяла дистанция, в бронированную «черепашу» металась учебная граната. Вслед за проездом танка над бойцом тот должен быстро развернуться и открыть огонь из автомата, имитируя поражение покидающего машину экипажа. Надо сказать, что проделать это в первый

раз было довольно волнительно.

Обкатка нашей роты прошла успешно, а вот в девятой при отработке упражнения, к сожалению, не удалось избежать травматизма. После того как над одним из курсантов проехал танк, в углублении дороги его не обнаружили. То есть за секунду до этого он был, а потом как испарился. Оказалось, курсант неудачно набил свой рюкзак походным имуществом – так, что тот стал выпирать небольшим горбом. Видимо, на днище машины образовались задиры, за которые рюкзак и зацепился. Хорошо, что руководитель занятия вовремя заметил и дал танкисту команду остановиться. Механику-то не видно, что сзади происходит, – зеркал заднего вида нет. В итоге наш сокурсник слегка помял себе несколько ребер о дорожные кочки. Подлечили его в госпитале, и он вернулся к учебе. Упражнение позднее стали выполнять уже без эрзешек.

В нашем взводе курсант также получил повреждения, но при оттачивании навыков в другом упражнении – выполнявшемся в паре. Первый номер действовал аналогично описанному выше сценарию, а его напарник бросал гранату в борт или корму танка из-за укрытия – бетонной стены. Сделать это нужно было после того, как танк проедет над первым номером. Дошла очередь до следующей пары, в которой находились два друга-земляка из Украины.

Здесь следует пояснить, что собой представляет УПГ-8. В ней имеется имитационный запал с капсюлем и заря-

дом дымного пороха. При ударе гранаты о танк срабатывает капсюль, который воспламеняет порох. Происходит небольшой взрыв, сопровождающийся клубами дыма. Выглядит все вполне реалистично.

Первый номер – Игорь О. – отработал как положено. Да и второй – Юра В. – в общем, тоже все сделал правильно: бросил гранату и спрятался за укрытие. Только гранату он кинул слишком сильно. Она по дуге отлетела от башни и упала аккурат перед лицом его товарища, стрелявшего в это время из положения лежа по движущемуся танку. Раздался взрыв порохового заряда. Не знаю, каким образом Игорь успел закрыть глаза. Крупицы горящего пороха до крови посекали ему все лицо. Он машинально закрыл его руками, а когда отнял ладони, и лицо, и руки были в крови. Я наблюдал за этой картиной, так как стоял рядом на изготовке в составе следующей пары. Юра, в отличие от меня, находившийся за стеной, не мог видеть, того, что происходило после броска. Ну, я ему и говорю: «Юра! Ты своего земляка гранатой подбил!». Он, без всякого преувеличения, в ужасе схватился руками за голову.

Оказалось, что ничего серьезного не стряслось. Раны у Игоря быстро зажили. Правда, некоторое время он ходил как будто в веснушках, с лицом, густо покрытым черной крапункой. Позже они сошли вместе с обожженной кожей, как после загара.

Весть об этом происшествии быстро распространилась по

училищу, и на некоторых занятиях преподаватели, приглашая кого-то из этой пары к доске, спрашивали: «А это ты своего товарища гранатой вместо танка подбил?» или «Это тебя, что ли, гранатой подорвали?». Все во весь рот улыбались невинным шуткам, кроме самих друзей. Они еще не были готовы, тем более к такой своеобразной славе.

Кстати, слава настигла Игоря и во второй раз, но уже на стажировке и по другому поводу. На прыжках в его стропы влетел солдат. К счастью, все закончилось для обоих благополучно. Каким-то образом об этой истории узнали журналисты и по горячим следам написали репортаж. Фотографию обоих участников нештатной ситуации поместили на обложку небольшого военного журнала, кажется, «Знаменосец» или что-то подобное.

Возвращаясь к теме огневой подготовки, хочу поведать еще об одном случае, когда у курсанта пострадало лицо. Шли стрельбы из БМД-2. Занятие закончилось, техника прибыла на исходную позицию, и курсант, сидевший на месте наводчика-оператора, начал извлекать спаренный с автоматической пушкой пулемет (ПКТ). Башня БМД-2 очень тесная, особенно когда ты сидишь в ней в зимнем обмундировании. Пытаясь вытащить через люк уже снятый ПКТ, курсант нечаянно его уронил. В стволе пулемета, по-видимому, заклинило патрон. Пулемет ударился о металлический пол электроспуском и произвел выстрел. Пуля, можно сказать, удачно попала в потолок башни, вырвав из него мелкие

осколки, от которых незначительно пострадал курсант. Главное, что глаза, прикрытые лобовой накладкой шлемофона, остались целы.

Заклинивание вооружения БМД (пулемета и, тем более, автоматической пушки) – довольно распространенное явление. Стреляет по очереди целый взвод – вооружение накаляется, образуется нагар. Нередко бывают перекосы снарядов в траке питания 2А42, так что приходится рубить зубилом звенья ленты, чтобы извлечь заклинивший боеприпас. Быстро такую процедуру не произведешь – машину ставили в бокс и там уже разбирались с проблемой. При попытке извлечь снаряд в одном из таких орудий произошел выстрел. Хорошо, что пушка была направлена влево вверх. Как раз в углу бокса, где смыкаются стена и крыша, от бронебойного снаряда образовалась дыра сантиметров двадцать в диаметре.

Но чаще всего опасные ситуации возникали на ночных стрельбах, особенно при выполнении упражнений на БМД. Очень тяжело сохранять ориентацию в пространстве, находясь в движущейся боевой машине, вращая башню и наблюдая за окружающим миром исключительно через прицел, дающий весьма ограниченную картину. В кромешной темноте очень легко спутать подсветку мишени с освещением пульта управления огнем, поэтому дезориентированный наводчик-оператор мог по ошибке открыть огонь в противоположном направлении. Тут же наушники его шлемофона разры-

вались от истошного крика начальника стрельб, сдобренного немалой порцией отборного армейского мата. Наверное, только благодаря крепкому русскому слову пули спаренного пулемета и снаряды орудия меняли направление или падали, так и не долетев до «цели». По-другому объяснить отсутствие трагических случайностей на ночных стрельбах практически невозможно.

Как оригинальную и не лишенную специфики могу отметить стрельбу из нашего родного АКС-74 зимой в движении на лыжах (однажды пришлось). На биатлон это вообще не похоже, хотя бы из-за формы одежды, совершенно далекой от спортивных стандартов. И потом, мишень неизвестно где может подняться. Нужно постоянно вертеть головой – вести разведку целей, в противном случае не успеешь вовремя изготавиться. Стреляли с коротких остановок с упором в перекрещенные лыжные палки. Надо попробовать, чтобы понять, насколько это неудобно. Пустил очередь не себе под ноги – уже хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.